

Владимир Владимирович Симиндей
Огнем, штыком и лестью. Мировые
войны и их националистическая
интерпретация в Прибалтике
Серия «Восточная Европа. XX век»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17379186

*Владимир Симиндей. Огнем, штыком и лестью. Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике: Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-906798-95-4*

Аннотация

Почему в годы Первой мировой войны случаи военного коллаборационизма с немцами литовцев, латышей и эстонцев были почти исключены, однако возникали (про)германские политические прожекты с их участием? Сказались ли на дальнейшем массовом сотрудничестве с нацистами идейные заимствования в Германии и фашистской Италии, официальный национализм, готовность руководства прибалтийских государств идти в фарватере гитлеровской политики в 1939 г., советские репрессии в 1940–1941 гг.? Как прибалтийская националистическая «оптика» искажает события и оценки двух мировых войн в этом регионе? Какие представления доминируют в местной исторической памяти и историографии? Автор на основе разнообразного фактического материала (в том числе на латышском, литовском и эстонском языках) предпринял попытку ответить на эти и связанные с ними вопросы.

Книга предназначена для ученых, студентов и широкого круга читателей, интересующихся историей России и Прибалтики в XX веке, современными исследованиями войн, сопротивления нацистам и сотрудничества с ними в этом регионе, вопросами государственной исторической политики и исторической памяти в Латвии, Литве и Эстонии.

Содержание

Вместо предисловия	5
I. История и историография	6
Прибалтийский край и Литва в годы Первой мировой войны	6
Эстония: на периферии военных действий	7
Литва: оборона Ковенской крепости и долгая немецкая оккупация	10
Латвия: героика и поиск политической ниши	12
Латвия, Литва и Эстония в контексте внешнеполитических и военных проблем (1933–1941)	22
Сотрудничество с нацистами и оправдательная историография: региональные феномены	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Владимир Симиндей

Огнем, штыком и лезвием. Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике

Рецензенты:

д. и. н. М. И. Мельтюхов

к. и. н. А. И. Петренко

© Симиндей В. В., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Вместо предисловия

В XX веке множество военных и мирных сюжетов в истории Прибалтики было самым тесным образом переплетено, связано с Россией, СССР и Германией. Две мировые войны оставили по-разному тяжелые следы в прошлом народов наших стран. В этой связи представляет определенный научный и общественный интерес то, какие интерпретации причин, хода и последствий мировых войн преобладают в современной прибалтийской историографии, а какие остаются на периферии. Во всяком случае, автор поставил перед собой задачу разобраться в национальной и националистической «оптике», сквозь которую рассматриваются ключевые проблемы данной тематики. В ходе работы над книгой предстояло затронуть и вопрос о том, соблюдается ли баланс локальных, региональных, национальных, европейских и мировых перспектив в изложении фактов прошлого в условиях предвзятого отношения к России/СССР.

Почему в годы Первой мировой войны случаи военного коллаборационизма с немцами литовцев, латышей и эстонцев были почти исключены, однако возникали (про)германские политические прожекты с их участием? Сказались ли на дальнейшем массовом сотрудничестве с нацистами идейные заимствования в межвоенный период из Германии и фашистской Италии, лесть в их адрес, официозный национализм, готовность руководства прибалтийских государств идти в фарватере гитлеровской внешней политики в 1939 г., наконец, советские репрессии в 1940–1941 гг.? Какие представления доминируют в местной исторической памяти и историографии? Как прибалтийская националистическая «оптика» искажает события и оценки двух мировых войн в этом регионе? Как сочетается апология сотрудничества с немецкими нацистами и русофобия в государственной исторической политике, учебниках истории? Кто именно «опрокидывает» в прошлое современные политические установки? Автор на основе разнообразного фактического материала (в том числе на латышском, литовском и эстонском языках) предпринял попытку ответить на эти и связанные с ними вопросы.

Книга предназначена для ученых, студентов и широкого круга читателей, интересующихся историей России и Прибалтики в XX веке, современными исследованиями войн, сопротивления нацистам и сотрудничества с ними в этом регионе, вопросами государственной исторической политики и исторической памяти в Латвии, Литве и Эстонии.

I. История и историография

Прибалтийский край и Литва в годы Первой мировой войны

Мировая война, ставшая роковым периодом в истории царской России, коренным образом повлияла на социально-политические процессы в Прибалтийском крае, на самосознание его населения и предопределила передел восточного побережья Балтики, с XVIII века находившегося под властью российских императоров. Глубина и трагизм деформации прибалтийских окраин России особенно ярко отражается в латвийском сюжете, так как именно на территории будущей Латвии длительное время велись боевые действия (в отличие от Литвы, в 1915 г. почти полностью захваченной германскими войсками, или Эстонии, столкнувшейся с немецкой оккупацией в основном только в феврале 1918 г.).

Вместе с тем события Гражданской войны и разного рода интервенций (немецкое, французское, британское и американское военное присутствие в регионе), обозначаемые в официальных документах и национальных историографиях как «Освободительная война»,¹ формирование различных органов власти, военно-политическое поражение коммунистов и события середины XX века заметно вытеснили Первую мировую войну на периферию общественного сознания. Данная тематика лишь опосредованно использовалась властями и оппозиционными группами в политической мифологии создания независимой государственности. Исключением, пожалуй, может служить лишь миф о латышских стрелках, своеобразным ответвлением которого стал уже советский миф о красных латышских стрелках. Не отрицая их соучастия в кровавых событиях Гражданской войны в России, особое внимание в официальной латвийской историографии обращают на их неучастие в расстреле царской семьи в Екатеринбурге. В остальном, можно сказать, продолжается «тотальная героизация в мемориализации». Так, в IX ежегоднике Военного музея Латвии опубликована статья под интригующим названием: «Латышские стрелки – интернационалисты или националисты» (по версии автора, национализм «проскальзывал» через большевизм).² А летом 2013 г. вышла в свет и с большой помпой была презентована в Военном музее Латвии книга-альбом «Собирайтесь под латышскими знаменами!»,³ содержащая более 1,6 тыс. фотографий, репродукций и документов из различных музеев и частных коллекций.

Несмотря на распространение в Эстонии и Литве, а в особенности – в Латвии⁴ различных негативистских представлений, например, о «четвертой большой трагедии, серьезно угрожавшей выживанию латышей»⁵ и о «русских генералах, специально не жалевших наших боевых парней», в целом проблематика Первой мировой войны не относится к числу

¹ См., например: Eesti ajalugu. V. Pärissorjuse kaotamisest Vabadussõjani. Tartu: Ilmamaa, 2010; История Латвии: XX век. С. 120–135. Благодарю Илью Никифорова (Таллин) за помощь в работе с эстонскими источниками и литературой.

² *Kriģere I. Latviešu strēlnieki – internacionālisti vai nacionālisti // Latvijas Kara muzeja gadagrāmata. IX. Rīga, 2008. 11. – 19. lpp.*

³ См.: *Pulcējaties zem latviešu karogiem! Rīga, 2013.*

⁴ «Потери латышских стрелков – около 2000 убитыми и 7000 ранеными – были бессмысленны. Многие считали, что верховное командование русской армии сознательно стремилось уничтожить латышские полки. Хотя сознательное предательство не было доказано, возмущение латышских стрелков было обоснованным. Оно также имело большое значение в последующих событиях» (см., например: *Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Основные вопросы истории Латвии: учеб. пособие. Рига: Zvaigzne ABC, 2002. С. 57).*

⁵ После борьбы латышских племен XIII в., длительной Ливонской войны и чумы, сопровождавшей Северную войну: *Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai. 1900–1918 // 20. 20. gadsimta Latvijas vēsture. Rīga, 2000. 537. lpp.*

политически конфликтных для отношений с Россией вопросов. В связи с этим период 1914–1918 гг. практически не использовался в недружественных выпадах в адрес России по мере создания и реализации новой исторической политики (с 1991 г.).

Подобная «сдержанность»⁶ особенно заметна на фоне навязчивого внимания к Рижскому мирному договору от 11 августа 1920 г. как якобы до сих пор действующему международно-правовому акту и «краеугольному камню латвийской государственности»,⁷ а также из-за заикленности властных кругов и официальной историографии стран Балтии на событиях 1939–1940 гг. и «оккупационной» риторике в адрес Москвы. В данных условиях, несмотря на иные разногласия и споры, все же представляется возможным проведение совместных мемориальных акций, увековечивающих память воинов Великой войны.

Эстония: на периферии военных действий

Территория нынешней Эстонии (Эстляндская губерния и северная часть Лифляндской) фактически находилась в прифронтовой полосе, а острова Моонзундского архипелага – Даго и Эзель – в 1917 г. подверглись германской оккупации. В эстонской исторической науке эти сюжеты всегда находились на периферии политического и научного интереса, хотя и отмечалась, например, стратегическая важность Таллинского военного порта и иной смежной военной инфраструктуры именно для России: *«В предвоенные годы в Северной Эстонии были проведены невиданные по масштабу строительные работы по сооружению оборонительных укреплений и строительству шоссейных и узкоколейных дорог. На разные объекты строительства были привлечены помимо военных десятки тысяч человек – как местных, так и приехавших из внутренних губерний России. В Таллине быстрыми темпами были построены три кораблестроительных завода для крейсеров, миноносцев и подводных лодок»*.⁸

Однако в постсоветский период не обнаружено глубоких и одновременно детальных исследований Первой мировой войны. При этом февраль – март 1917 г. в Петрограде и события окончания войны на территории Эстляндии и части эстоноязычных районов Лифляндии использовались и продолжают использоваться для выстраивания национальной мифологии создания эстонской государственности в период 1918–1920 гг.

Во всяком случае эстонская историческая мысль пока не знает такого уровня книг, посвященных политике и государственному управлению в период Первой мировой войны в Прибалтийском крае, подобных, например, работе А. Бахтуриной «Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)».⁹ Не удалось обнаружить серьезных эстонских изданий – монографий или статей – посвященных политике немецких оккупационных властей как в Курляндии

⁶ Стоит отметить, что в первом томе официального академического труда Института истории Латвии Латвийского университета, посвященного событиям 1900–1918 гг., из 869 страниц времени и событиям Первой мировой войны отведено менее 100 (см.: *Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai...* 537–631. lpp.).

⁷ Так, 11 августа 2010 г. глава МИД Латвии А. Ронис в своем выступлении по случаю 90-летия со дня подписания мирного договора с Советской Россией, позволившего временно отторгнуть от России исторические земли Псковщины (Пыталово и окрестности), назвал его «частью генетического кода латвийского государства» и «священным писанием» Латвии (LETA, 11 августа 2010 г.). Особенно навязчиво этот и подобные ему тезисы раскручиваются в брошюре А. Пуги, в которой неоднократно встречаются политические рассуждения на предмет «непреодолимого значения» и даже «сохранения до сих пор в силе» этого договора с Советской Россией (см. рецензию на книгу А. Пуги: *Puga A. Eiropa: Latvijas un Krievijas 1920. gada miera līgums. Dokumenti, liecības un atziņas*. Rīga: Zvaigzne ABC, 2010 // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1 (4). С. 174–176).

⁸ Граф М. Эстония и Россия. 1917–1991: анатомия расставания. Таллин: Argo, 2007. С. 22.

⁹ Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.

(частично в Лифляндии), так и на эстонских островах. Исключение, пожалуй, составляет изданная Сааремааским музеем работа Х. Ояло «Сааремаа в огне войны. Осень 1917 г.». ¹⁰

Трудно найти и специальные исследования, посвященные конкретным проявлениям военно-экономической политики Российской империи, военным операциям в период Первой мировой войны в Эстонии или Прибалтике в целом, за исключением узкоспециальных публикаций в региональном журнале «Балтфорт», да и то зачастую они принадлежат российским авторам. ¹¹ И это несмотря на то, что в Таллине (Ревеле) была сосредоточена техническая база Балтийского флота, возведен специализированный военно-морской Русско-балтийский завод, а также завод «Ноблесснер» по строительству подводных лодок и многие другие.

В эстонской историографии не принято уделять особого внимания тому, что предвоенный и военный рост промышленного производства в Ревеле выразился и в резком изменении демографической ситуации. Так, в промышленные центры Эстонии наряду с местным пролетариатом были приглашены и тысячи высококвалифицированных рабочих, техников и инженеров из Центральной России. Достаточно сказать, что в период немецкой оккупации 1918 г. и за несколько месяцев, ей предшествовавших, из одного только Ревеля в Россию эвакуировалась и бежала почти треть населения города – около 50 тыс. человек, в основном русских.

Как известно, в период с 1914 по 1918 г. в российскую армию было призвано в общей сложности до 100 тыс. мужчин-эстонцев. Национальные части (полки) были сформированы только в 1917 г. с согласия Временного правительства. Они дислоцировались в Эстонской губернии в границах, установленных Временным правительством, и в крупных войсковых операциях участия принять не успели. Поэтому эстонская историография, в отличие от латвийской, не уделяет большого внимания действиям эстонских подразделений в Первой мировой войне, акцентируя внимание на политической роли эстонских полков в период второй половины 1917 г. и начала 1918 г.

Тема Первой мировой войны обычно рассматривается эстонскими историками либо в обобщающих работах по истории Эстонии в целом, ¹² либо в «Освободительной войне 1918–1920 гг.» в частности. Так, подробно рассматривается история Эстонии в период Первой мировой в многотомном издании «История Эстонии» (т. 5: «От падения крепостного права до Освободительной войны»). ¹³

Как уже отмечалось, собственных обобщенных исследований Первой мировой войны эстонская историография не знает. Однако на эстонский язык переведены наиболее популярные работы американских, английских, немецких и финских авторов. Например, в 2011 г. был издан перевод с финского М. Харьюла «Эстония 1914–1922: мировая война, революция, независимость и Освободительная война». ¹⁴ Или перевод с французского мемуаров М. Палеолога «Царская Россия во время мировой войны» ¹⁵ (Таллин, 2010). (Мемуаристика вообще любимый жанр эстонских исторических издательств.) Ряд краеведческих работ посвящен инфраструктурным объектам периода Первой мировой войны. К таким работам можно отнести, например, брошюру М. Эйнсалу и О. Орро «Рохукюла. Забытая военная гавань Российской империи и другие архитектурные жемчужины». ¹⁶ В качестве мемуаров в

¹⁰ Ojala H. Saaremaa sõjatuues. Sügis 1917. (Saaremaa Muuseumi toimetised. 4.) Kuressaare, 2008. 226 lk.

¹¹ См., например: Новиков П. А. Несостоявшаяся десантная операция русской армии в Курляндии летом 1916 г. // Baltfort. 2012. № 3 (20). С. 24–34.

¹² См., например: Граф М. Эстония и Россия...

¹³ Eesti ajalugu. V, Põlisõjuse kaotamisest Vabadussõjani. Tartu: Ilmamaa, 2010.

¹⁴ Harjula M. Eesti 1914–1922: maailmasõda, revolutsioonid, iseseisvumine ja Vabadussõda. Tallinn: Tänapäev, 2011.

¹⁵ Paléologue M. Tsaaririik maailmasõjas. Tallinn: Kunst, 2010.

¹⁶ Eensalu M., Orro O. Rohuküla: Vene impeeriumi unustatud sõjasadam ja selle säilinud arhitektuuripärlid. Tallinn: Eesti

2009 г. опубликованы и дневниковые записи офицера-эстонца Ю. Тырванда «Участие в боях Первой мировой войны и в частях под командованием генерала Корнилова: дневник». ¹⁷ Особое внимание уделяется, как обычно, памятникам этнической истории. Так, эстонский историк Я. Росс выпустил в Кельне на английском языке брошюру и лазерный диск с записями голосов эстонцев, содержащихся в немецких лагерях для военнопленных в 1916–1918. ¹⁸

Сравнительно подробное описание боевых действий в прибрежных эстонских водах представлено в работе местного морского историка М. Ыуна и Х. Ояло «Сражения на Балтике 1914–1918: Первая мировая война в прибрежных водах». ¹⁹ Х. Ояло является и автором выпущенной в Тарту в 2007 г. истории подводной войны («В тени моря: подводная война на Балтике 1914–1919 и 1939–1945»), в которой весьма детально раскрывается эта тема. ²⁰

Собственно внутривойсковым аспектам Первой мировой войны посвящена статья К. Яансона «Эстонец Александр Кескюла и Берлин: дебют (сентябрь 1914 – май 1915 г.)», опубликованная в журнале «Туна». ²¹ Статья посвящена малоизвестному историческому эпизоду, когда социалист А. Кескюла задолго до А. Парвуса попытался начать переговоры с Германией, чтобы побудить ее оказать помощь революционерам. Однако главный акцент автор делал на национальной революции, что, по справедливому мнению историка Яансона, не совсем соответствовало германским интересам: в Берлине опасались, что энергия национальной революции обратится против местных остзейских землевладельцев.

Такие темы, как «Февральская революция и рождение Эстляндской национальной губернии», «Постановление Временного правительства России от 30 марта 1917 г. – краеугольный камень эстонской государственности», «национальный вопрос в партийных программах», «выборы и политические столкновения», «борьба за различные формы государственности» и др. рассмотрены в книге М. Графа «Россия и Эстония. 1917–1991: Анатомия расставания». ²² Автор приходит к следующим выводам: *«После революции и Гражданской войны в России Эстония путем тяжелых военных потерь и сложных дипломатических переговоров приобрела статус самостоятельного государства. Для маленького народа, который до Первой мировой войны не имел даже автономии, не говоря уже о государственности, это было большим достижением. Создание национального государства дало эстонскому народу возможность развивать собственную культуру и экономику, избавиться от угрозы потери собственной идентичности в составе Российской империи»*. ²³ Однако М. Граф не удержался от «прогностических» домыслов в стиле апокалиптической альтернативной истории: *«Какая судьба ожидала бы страну, если бы в Эстонско-русской войне 1918–1920 гг. победили красные и Эстония стала бы советской республикой? При таком исходе событий последствия для эстонцев оказались бы самыми трагическими, и под сомнение было бы поставлено само существование эстонской нации. Учитывая то обстоятельство, что в Советской России (СССР) беспощадно наказывали людей, да и целые народы, за так называемые контрреволюционные преступления, эстонцев ожидали бы репрессии и переселение во внутренние районы России»*. ²⁴

Arhitektuurimuuseum, 2013.

¹⁷ Tõrvand J. Võitlustest Esimeses maailmasõjas ja kindral Kornilovi väes: päevaraamat. Tallinn: Grenader, 2009.

¹⁸ Encapsulated voices: Estonian sound recordings from the German Prisoner-of-War camps in 1916–1918 / ed. by Jaan Ross. Köln [etc.]. Böhlau, 2012.

¹⁹ Õun M., Ojala H. Võitlused Läänemeres 1914–1918: Esimene maailmasõda koduvetes. Tallinn: Olion, 2011.

²⁰ Ojala H. Varjud meres: allveesõda Läänemeres 1914–1919 ja 1939–1945. Tallinn: Grenader/Astlandia, 2007.

²¹ Tuna: Спецвыпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Национальный архив. Тарту; Таллин, 2006. С. 66–91. На рус. яз.

²² Граф М. Эстония и Россия...

²³ Там же. С. 320.

²⁴ Граф М. Эстония и Россия... С. 320–321. Автор, используя такое понятие, как «Эстонско-русская война 1918–1920», некорректно смешивает в одно целое различные аспекты Гражданской войны, германской оккупации и интервенции.

Приведенные примеры дают, на наш взгляд, достаточное представление об основных трендах в эстонской историографии данной тематики, так и не вышедшей в большинстве своем за рамки банального этноцентризма, националистических интерпретаций и, в лучшем случае, узкого краеведения.

Литва: оборона Ковенской крепости и долгая немецкая оккупация

Круг интересов литовской историографии Первой мировой войны определяется в основном лит уаноцентричностью, а сквозь эту призму – и ходом боевых действий на территории Литвы в 1914–1915 гг., подробностями отношений литовских властей («Литовская Тариба») с немцами в 1918 г. – от провозглашения 16 февраля 1918 г. Литвы отдельным государством, а 11 июля – королевством с приглашением на престол немецкого принца до отмены 2 ноября такого решения.²⁵

При этом до сих пор классическими и даже непревзойденными считаются работы межвоенного периода, например «Литва в Великой войне» 1939 г.²⁶ или эмигрантский выпуск 1970 г. «Литва в узде царя и кайзера».²⁷ Именно они задали ориентиры дальнейшего формирования националистических и антироссийских мифов в современном восприятии событий Великой войны и ее последствий литовскими историками и обществом.

Особое внимание у местных историков вызывает оборона Ковенской крепости, подаваемая (не без оснований) как центральное событие всех боевых действий на территории Литвы в годы Великой войны. В связи с этим исследовательский интерес вызывает у них и история создания Ковенской крепости, сами фортификационные сооружения, комплектование гарнизона. Также имеются работы по изучению подготовки офицерских кадров в военно-учебных заведениях на территории Литвы, их биографий и боевого пути в годы Первой мировой войны.²⁸

Как известно, захват Ковенской крепости после упорных боев в августе 1915 г. позволил кайзеровской армии оккупировать значительные территории Российской империи, включая почти всю Литву (например, Виленский край и Вильно были заняты немцами уже в сентябре 1915 г.).

В 2012 г. Институт военного наследия опубликовал на русском языке дополненный вариант книги-альбома каунасского историка и музееведа А. Поцюнаса, посвященного кропотливой реконструкции боев 1915 г. вокруг Ковенской крепости.²⁹ На сегодняшний день это, пожалуй, наиболее полное и богато иллюстрированное исследование по данной тематике, насыщенное фактическим материалом и оценками конкретных боевых действий сторон, впечатлениями местных жителей, отложившимися в социальной памяти литовского народа. В качестве примера в книге приводятся слова одного жителя города Ковно: *«Ужасная и сногшибательная картина! На горизонте ночи – горы, леса, тучи, земля и небо – все тяжело дышит в облаках огня под аккомпанемент прерывающего все это грохота. Окна сыпятся непрерывно. Треск пулеметов и ружей сливается в один шум, как будто это буянит громадный вихрь. Залпы пушек каждую минуту встряхивают поверхность земли*

²⁵ Lietuvos istorija. Ilustruota enciklopedija. Vilnius, 2012. P. 244–245.

²⁶ Lietuva Didžiajame kare. Vilnius, 1939.

²⁷ Gintneris A. Lietuva Caro ir Kaizerio Naguose Atsiminimai is I Pasaulinio Karo Laiku 1914–1918 m. Chicago, 1970.

²⁸ См., например: Костров В. И. Из истории военно-учебных заведений Вильны. Выпускники Виленского пехотного юнкерского училища – участники и герои Первой мировой войны // Предпосылки Первой мировой войны. Сборник докладов на международной конференции, 9–11 июня 2013 г. Вильнюс, 2013. С. 208–211.

²⁹ Поцюнас А. Ад войны: У Ковенской крепости. 1915 год. Историческая реконструкция событий. Вильнюс: Институт военного наследия, 2012.

*и небо, свист пролетающих снарядов кажется триумфальным полетом каких-то птиц ада».*³⁰ При этом, в отличие от иных историков и публицистов, А. Поцюнас в своих критических замечаниях не переходит грань, за которой находится русофобское и антироссийское мифотворчество.

Литовские историки сходятся во мнении, что военные действия привели к разрушению хозяйственной и общественной жизни Литвы, однако отмечают, что длительная немецкая оккупация породила в литовском общественном мнении представление о том, что с Берлином будет легче договориться о «восстановлении» государственности, чем с Петроградом, где после Февральского переворота среди прочих «свобод» не провозгласили «свободу сепаратизма».

При этом немцы, не давая никаких авансов создания государственности на оккупированных территориях, разрешили литовцам 18–23 сентября 1917 г. провести в Вильнюсе «Литовскую конференцию». На ней был избран «Совет Литовского края», впоследствии переименованный в «Литовскую Тарибу» (председатель – Антанас Сметона, будущий авторитарный «вождь» страны).³¹ Хотя в литовской политической мифологии «Литовской Тарибе» отводится ключевая роль в формировании («восстановлении») государственной самостоятельности Литвы, некоторые литовские историки все же упоминают о том, что этот орган «с довольно неопределенными полномочиями <...> как якобы представительный орган Литвы практически никаких соответствующих функций не выполнял, поскольку в условиях военной оккупации существование подлинно представительного органа немыслимо».³² Политическим приговором выглядит оценка доктора истории З. Петраускаса: «В своей политике в Литве и непосредственно во взаимоотношениях с Литовским Советом германские власти считали его совещательно-информационным органом, а оккупационные власти – чуть ли не звеном своего аппарата».³³

В литовской историографии обретения государственности скрупулезно отражен польский фактор в лавировании литовских общественно-политических сил. Как пишет доктор истории Ч. Лауринавичюс, «еще до окончания Первой мировой войны стало ясно, что возрождающееся польское государство не ограничится этнической территорией, но при благоприятных условиях станет расширяться на восток, на земли бывшей Речи Посполитой». Далее он отмечает: «Стремясь преградить путь Польше, литовские политики разрабатывали территориальные проекты, по которым Литва намеревалась включить в свой состав районы Гродненской губернии к югу от Немана. Таким образом, Гродненский край должен был сыграть роль естественного защитного барьера от польской экспансии».³⁴ При этом автор уклоняется давать собственную оценку попыткам литовцев защититься от поляков за счет белорусских территорий.

Октябрьский переворот, Брестский мирный договор, последующие события Гражданской войны в России, вмешательство в них стран Антанты и Германии качественно изменили ситуацию, дав шанс литовским национальным и националистическим группировкам объявить и удержать суверенитет. При этом в литовской историографии отмечается тенденция преуменьшать степень влияния «благоприятных обстоятельств» и преувеличивать усилия и героизм собственных политиков, дипломатов и военных.

³⁰ Там же. С. 114.

³¹ Lietuvos istorija. Ilustruota enciklopedija. Vilnius, 2012. P. 244.

³² Петраускас З. Принцип самоопределения народов в контексте восстановления государственности Литвы после Первой мировой войны // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М.: ИВИ РАН, 2002. С. 187.

³³ Там же. С. 187–188.

³⁴ Лауринавичюс Ч. Политика литовского буржуазного правительства по вопросу восточной государственной границы // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М.: ИВИ РАН, 2002. С. 211.

На фоне некоторой историографической косности следует отметить заметные позитивные изменения в деле увековечивания памяти воинов Русской императорской армии и гражданских лиц православного вероисповедания, упокоенных в литовской земле.³⁵ Стараниями посольства России в Вильнюсе и НПО «Институт военного наследия» (при участии органов местного самоуправления, порой оправдывающихся перед национал-радикалами: «Криминала тут нет»³⁶) в последние три года ведется большая работа по реставрации могил и мемориалов. Так, 11 ноября 2013 г., несмотря на недовольство и протесты «националов», обвинявших организаторов в «восхвалении столетней царской оккупации»,³⁷ состоялось открытие нового памятника на могилах русских воинов, захороненных у деревни Вайтишкяй Мариямпольского округа Литвы.

Национальная мифология касается и первого солдата Русской императорской армии. Как отмечает Ю. Тракшялис, *«считается, что после 3 августа 1914 г. до начала Восточно-прусской операции, когда был захвачен нынешний город Кудиркос-Науместис, погибло 500 человек. И первым погибшим считается литовец. И именно этому литовцу мы поставили первый свой памятник, он установлен в городе Кудиркос-Науместис»*.³⁸

В целом современная литовская историография характеризуется литуаноцентричностью, при этом столетие начала Великой войны и работы по восстановлению воинских кладбищ вызывают в литовском обществе как раздражение, так и некоторый интерес не только к «своим» могилам и предкам.

Латвия: героика и поиск политической ниши

В латвийской историографии можно обнаружить консенсус относительно того, что начало боевых действий против кайзеровской Германии в августе 1914 г. вызвало сильный всплеск антинемецких настроений и «верноподданнического энтузиазма» в Курляндской и Лифляндской губерниях. Там Великая война воспринималась как борьба с историческим недругом, источником многовековых колониционных волн. Современные латвийские историки особо отмечают этот *«антигерманский настрой, временами перераставший в своего рода истерию»*.³⁹

Культурная, социально-экономическая и политическая эмансипация латышей во второй половине XIX – начале XX века, происходившая не без поддержки некоторых петербургских и московских общественных кругов, сталкивалась с ожесточенным сопротивлением остзейского дворянства и бюргерства. Кровавые события 1905 г. и последовавшие репрессии лишь укрепили влияние балтийских немцев, оставив без своевременного и должного разрешения межэтнические и социально-экономические противоречия в регионе. В этих условиях открытое столкновение российских и германских интересов на полях Первой мировой войны вывело латышское общество из депрессивного состояния и дало легальный повод для проявления антинемецких настроений в ожидании встречных позитивных шагов царской администрации.

Современные латышские историки, характеризуя ситуацию 1914 – начала 1915 г., отмечают, что «война разбудила латышей от национально-политического оцепенения». По их мнению, *«участие России и других европейских держав в войне с Германией словно вселило*

³⁵ См., например: *Иванаускайте Э.* Проект реставрации старого русского кладбища г. Радвилишкиса // Предпосылки Первой мировой войны. Сборник докладов на международной конференции, 9–11 июня 2013 г. Вильнюс, 2013. С. 136–139.

³⁶ *Бабинайте К., Зверко Н.* В Литве – страсти вокруг памятника воинам Российской императорской армии // RuDelfi.lt. 2013. 11 ноября.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ *Бутулис И., Зунда А.* История Латвии. Рига: Jumava, 2010. С. 68.

в латышский народ удивительное и невероятное чувство, дав понять, что его давний враг – одновременно и враг многих европейских народов». ⁴⁰ В этой обстановке латышские национальные круги, по мнению исследователей, постарались не упустить возможность создать предпосылки для послевоенного изменения своего положения за счет свертывания остаточных остзейских привилегий. Однако, подчеркивают они, и сам особый статус прибалтийских провинций, и опыт отстаивания своих позиций балтийско-немецким дворянством в спорах с имперским руководством в Петербурге и его представителями на местах не мог не оставить следа в умах латышской элиты.

Представляется, что этот фактор повлиял на формирование идеи автономии Латвии в рамках России, набиравшей популярность в годы Великой войны как среди левых активистов различных оттенков, так и у правонационалистических общественных деятелей. Как отмечает в связи с этим российский исследователь Л. Воробьева, «чтобы освободиться от экономической и политической власти немецкого дворянства, добиться самоуправления, а также самоопределения в области культуры, представители “верхнего слоя” латышского населения были готовы опередить немцев в доказательствах своей лояльности самодержавию». ⁴¹

Действительно, в 1914 г. в речах латышских политиков доминировали верноподданнические и лоялистские нотки. Так, 26 июля 1914 г. депутат Я. Голдманис заявил с трибуны IV Государственной думы: «Среди латышей и эстонцев нет ни единого человека, который бы не признавал, что все то, что ими достигнуто в смысле благосостояния, достигнуто под защитой Русского Орла и что все то, что латыши и эстонцы должны еще достигнуть, возможно только тогда, когда Прибалтийский край и в будущем будет нераздельной частью Великой России. Поэтому мы можем видеть теперь у нас такой подъем духа, такой энтузиазм стать на защиту своего дорогого Отечества, что для нарисования правильной картины этого самые яркие краски были бы совершенно бледны. Эти великие дни доказывают, что ни национальность, ни язык, ни вероисповедание не мешают нам, латышам и эстонцам, быть горячими патриотами России и стать на защиту своего Отечества, стать плечом к плечу с великим русским народом против дерзкого врага». ⁴² Однако эти тезисы рассматриваются в современной латвийской историографии как «архаика», предшествовавшая быстрому разочарованию в царских властях с последующим выдвиганием автономистских и/или революционных лозунгов.

В первые недели и месяцы войны эта лоялистская риторика в целом отражала настроения широких масс латышского населения. Как отмечает латвийский историк О. Пухляк, в пограничной с германским Мемелем Курляндской губернии (крупнейший порт которой – Либава – был обстрелян германскими крейсерами «Аугсбург» и «Магдебург» на второй день войны, 20 июля / 2 августа) уже в конце июля 1914 г. около 3 тыс. латышей вызвались добровольцами идти на фронт воевать против немцев. В Лифляндии (особенно в Риге) развертывались мощные кампании среди латышских и славянских обществ по оказанию помощи раненым и семьям воинов, отправившихся на передовую. ⁴³

Как в целом отмечают латвийские историки, первые же поражения Русской армии в Восточной Пруссии, а также отступление в Польше привели, в частности, к большим потерям среди солдат и офицеров латышского происхождения, многие из которых пошли на

⁴⁰ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И. История Латвии. XX век. Рига: Jumava, 2005. С. 70.

⁴¹ Воробьева Л. М. История Латвии: от Российской империи к СССР / Фонд «Историческая память»; Рос ин-т стратег. исслед. М., 2009. Кн. 1. С. 88.

⁴² См.: Занимательная история латвийских русских – 2 (1914–1920 гг.). Рига, 2009. С. 166.

⁴³ См.: Пухляк О. Н. Прибалтийские губернии летом-осенью 1914 г. в описании газеты «Рижский вестник» // Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 164–180.

войну добровольцами и придерживались патриотических и в целом русофильских взглядов. И. Бутулис и А. Зунда подчеркивают, что только в почти полностью уничтоженном XX корпусе 1-й армии, в начале февраля 1915 г. стойко прикрывавшем в арьергардных боях на Августовских болотах отступление 10-й армии, численность погибших, раненых и взятых немцами в плен латышей составила, по некоторым подсчетам, около 20 тыс. человек.⁴⁴ Эти оценки нашли косвенное подтверждение: в 20-е гг. прошлого века «военспец» профессор А. Свечин в своем «Общем обзоре сухопутных операций» отмечал выдающуюся боеспособность XX корпуса: *«Здесь дисциплина и порядок сохранялись в войсках несравненно дольше, и командование русских войск, а также солдатская масса, выполнили, находясь в отчаянных условиях, свой долг до конца. При более энергичных действиях из Гродно разгрому легко могли подвергнуться не мы, а немцы. Если бы корпуса Самсонова сопротивлялись так же доблестно, как и XX корпус, то они были бы выручены»*.⁴⁵

Весной 1915 г. боевые действия развернулись уже на территории Курляндии: в конце апреля пала Либава (Лиепая), 1 августа германцами был захвачен губернский город Митава (Елгава); наметилась реальная угроза стратегическому центру – Риге. В октябре 1915 г. немцы вышли на подступы к Двинску (Даугавпилсу). В ноябре германские войска были вынуждены прекратить наступление и перешли к длительной позиционной войне. Таким образом, линия фронта проходила от Двинска по Западной Двине (Даугаве) примерно до Саласпилса и оттуда на запад вдоль южного края болота Тирельпурвс. В результате кампании 1915 г. кайзеровские войска оккупировали практически половину населенных латышами территорий, большую часть которых контролировали долгие четыре года.

Можно согласиться с латвийскими историками в том, что потеря Курляндии, где германским руководством был введен жесточайший оккупационный режим, а также превращение Южной Лифляндии (Видземе) и населенной латгальцами части Витебской губернии в прифронтовую зону принесли латышскому народу неисчислимые бедствия.⁴⁶ Но нельзя не напомнить, что поражения русских войск существенно деформировали привычный уклад жизни, социально-политические институты и экономические связи. В числе факторов, способствовавших радикализации настроений общества, следует отметить германскую оккупационную политику, проблему беженцев и вопрос создания национальных воинских частей (включая восприятие последующих проявлений героизма и больших потерь).

Курляндия наряду с Литвой и частью территории современной Белоруссии была объявлена «областью управления Верховного главнокомандующего Восточным фронтом». Характеризуя оккупационный режим, латышские историки отмечают: *«Местная общественная жизнь, деятельность различных обществ, издание прессы почти полностью прекратились. Стремительными темпами шло онемечивание – в учреждениях, на предприятиях, в школах был введен немецкий язык. Была установлена строжайшая цензура, введены ограничения на свободное передвижение и строжайший контроль на дорогах, созданы концентрационные лагеря для провинившихся, жандармерии были предоставлены широкие полномочия в каждом уезде Курземе. С интересами местных жителей, за исключением интересов курземского дворянства, немецкие военные власти не считались»*.⁴⁷

В работах латышских историков упоминаются планы германского истребления относительно «старых немецких земель» в Прибалтике, в которых были представлены различные комбинации колонизационно-аннексионной политики с использованием инструментов этнической чистки территории и онемечивания оставшегося латышского населения.

⁴⁴ Бутулис И., Зунда А. Указ. соч. С. 69.

⁴⁵ Великая забытая война. М.: Яуза: Эксмо, 2009. С. 93, 94.

⁴⁶ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И. Указ. соч. С. 73.

⁴⁷ Там же. С. 74.

Своего рода полигоном рассматривалась Курляндия, треть земель которой в первоочередном порядке следовало распределить среди новых немецких колонистов из Германии. Аннексионные требования инспирировались Берлином через «Балтийский совет доверия», составленный из балтийско-немецкого дворянства. Адепты германского колониализма открыто ссылались на «исторический опыт», согласно которому латышам уготована судьба вымершего балтийского племени – древних пруссов.⁴⁸ Это также, как представляется, довольно глубоко вошло в социальную память латышей.

Как отмечают латвийские историки, германская оккупация Курляндии, отсутствие полной уверенности в стабилизации фронта и скудность резервов для размещения в прифронтовой зоне вызвали волны латышских беженцев в глубь России. Если семьи работников предприятий, эвакуированных из Риги⁴⁹ и других городов в централизованном порядке, получали возможность устроиться на новых местах, то остальные беженцы сталкивались с огромными трудностями. В современной латвийской историографии принято считать (и не без оснований), что официальные учреждения России оказались не готовы обеспечить кров и пропитание людям, согнанным германскими войсками с родных мест, адаптировать их к условиям затягивающейся войны. На это был дан *карт-бланш* национальным общественным организациям, призванным позаботиться о беженцах, наладить взаимодействие с государственными органами на местах.⁵⁰

В Петрограде 30 августа 1915 г. состоялся съезд представителей разрозненных беженских обществ, на котором в целях сплочения латышей и организации работы по удовлетворению их текущих нужд был избран Центральный комитет помощи беженцам, в состав которого вошли депутаты Государственной думы Я. Голдманис и Я. Залитис, общественные деятели – В. Олафс, А. Бергс, Я. Чаксте и др. Комитет, действовавший до января 1918 г., развернул сеть из 260 отделений помощи латышским беженцам по всей России, сумел привлечь государственные средства и частные пожертвования, организовать культурно-просветительскую работу на латышском языке.

К настойчивости в работе по установлению системы взаимосвязей между группами латышей во внутренних губерниях активистов комитета подталкивала боязнь «распыления» значительной части латышского народа на просторах России (у литовцев и эстонцев, в меньшей степени затронутых эвакуацией, столь серьезной озабоченности не было).

Так, в начале 1916 г. в Эстляндии и Лифляндии было зарегистрировано около 149 тыс. латышских беженцев, а во «внутренних» губерниях России – около 109 тыс. К середине года численность официально зафиксированных латышских беженцев достигала около 334 тыс. человек, фактическая же их численность оценивалась как в два раза большая.⁵¹ Для оценки масштабов проблемы беженцев, отмечаемой латышскими историками, можно привести тот факт, что даже в некоторых удаленных губерниях латыши составляли самую большую диаспору среди перемещенных лиц. Например, по итогам переписи беженцев, проведенной в Архангельской губернии, на 1 сентября 1916 г. в ней обосновалось 4862 человека, из которых латыши составляли 2010 человек, поляки – 683, литовцы – 231, эстонцы – 56.⁵²

В советской историографии и пропагандистской публицистике преобладали критические нотки в отношении деятельности комитета, учитывая ее правонационалистический

⁴⁸ Там же. С. 74–75.

⁴⁹ Только из Риги было вывезено оборудование 352 промышленных предприятий и эвакуировано около 80 тыс. рабочих; в целом около четверти миллиона рижан покинуло город, эвакуацию которого с лета 1915 г. современные латвийские историки оценивают как «поспешную и ненужную» (см.: Бутулис И., Зунда А. Указ. соч. С. 69).

⁵⁰ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И. Указ. соч. С. 75.

⁵¹ Šalda V. Latviešu bēgļi Krievijā (1915–1920) // Latvijas arhīvi. 2005. Nr. 3. С. 8–9.

⁵² Трошина Т. И. Великая война... Забытая война...: Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918): книга для учителей. Архангельск: КИРА, 2008. С. 130.

«уклон». В частности, упор делался на разоблачении хозяйственных махинаций верхушки комитета, обеспечившей себе льготные условия существования на фоне военных тягот для основной массы латышского населения.⁵³

В современной латышской историографии и учебно-пропагандистской литературе деятельность Центрального комитета помощи беженцам, напротив, описывается в превосходных тонах (отчасти не без основания), причем акцент делается не столько на практических вопросах, сколько на политических. Он оценивается как «кузница кадров» для будущей независимой Латвии, в которой отрабатывались навыки общественной и государственной работы с отчетливым национальным рефреном при успешной «лоялистской» маскировке и отсутствии каких-либо репрессий со стороны властей. В некоторых учебных пособиях этот аспект заостряется следующим образом: *«В Петрограде был создан Латышский центральный комитет по оказанию помощи беженцам, который в то время являлся единственной руководящей организацией всего латышского народа»*.⁵⁴ В латышских эмигрантских публикациях также обращается внимание на роль этого комитета в постановке с декабря 1916 г. вопроса об «объединении разделенных частей латышского народа в едином и непобедимом организме», включая латгальцев Витебской губернии⁵⁵ (хотя далеко не все из них считали себя латышами, а свой язык — лишь диалектом латышского).

В постсоветских учебниках проблема беженцев подана под специфически пропагандистским углом, критикующим царское правительство: *«Положение беженцев было очень тяжелым, потому что правительство царской России о них не заботилось. Беженцы сами должны были организовывать помощь своим землякам. В эту работу активно включились представители латышской интеллигенции, которые в местах наибольшего скопления латышских беженцев в России создавали организации по оказанию помощи беженцам»*.⁵⁶ В другом учебнике утверждается (без контекста германского наступления): *«Многих заставили стать беженцами силой русские войска. Оставшихся без родины и имущества беженцев в товарных вагонах развезли по всей России. Там они ютились в приютах, прозябали на станциях или в открытом поле. Помощь от правительства беженцам была незначительной»*.⁵⁷

Как известно, в июле 1915 г., под впечатлением от потери Курляндии, угрозы ее аннексии Германией, наплыва беженцев, а также смеси ярости и отчаяния в настроениях соплеменников, латышские депутаты в IV Государственной думе Я. Залитис и Я. Голдманис обратились в высшие военные инстанции с ходатайством об организации добровольческих латышских стрелковых батальонов. После утверждения 19 июля 1915 г. положения об организации латышских добровольческих батальонов эти депутаты были поставлены во главе Гражданского комитета и обратились к латышскому народу с невиданными ранее националистическими призывами, особо выделяемыми современными историками из Латвии: *«Собирайтесь под латышскими знаменами!»*⁵⁸ Впоследствии латышские батальоны были развернуты в 8 полков, объединенных в две бригады, не считая девятого — резервного.

Любопытно мифотворчество вокруг этого дела в латышской учебной литературе: *«Войска царской России оставили Курземе и Земгале без серьезного сопротивления врагу; казалось, что они не считали эту территорию своей землей, за которую стоило сражаться. Именно это обстоятельство способствовало появлению в латышском обществе*

⁵³ См., например: Мишке В. Кто такие латышские буржуазные националисты. Рига, 1956. С. 40–41.

⁵⁴ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 54.

⁵⁵ Высказывание католического епископа, проф. Я. Ранцанса (цит. по: Šilde Ā. Latvijas vēsture. 1914–1940. Stokholma: Daugava, 1976. 20. lpp.).

⁵⁶ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 52–54.

⁵⁷ Курлович Г., Томашунс А. История Латвии для основной школы. Рига: Zvaigzne ABC, 2002. С. 172.

⁵⁸ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И. Указ. соч. С. 75.

идеи, что оборона Видземе, а также возвращение Курземе и Земгале должны осуществляться латышскими войсковыми подразделениями».⁵⁹

Образчиком негативных измышлений, рассчитанных на детей, можно считать следующий отрывок из учебника: «Армейское командование издало приказ о том, что Курземе должны покинуть все мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. На просьбу курземцев остановить разорение земли верховный главнокомандующий вооруженными силами России великий князь Николай Николаевич ответил: “Плевать я хотел на ваше Курземе!”»⁶⁰ Апофеозом националистического бахвальства является следующий пассаж: «Царское правительство не доверяло малым национальным меньшинствам Российской империи, но уступило требованиям латышской общественности и согласилось на создание латышских стрелковых батальонов, а позднее полков. В июле 1915 г. были утверждены правила формирования батальонов. Было опубликовано воззвание “Собирайтесь под латышские знамена!” <...> Части латышских стрелков были первыми национальными войсковыми подразделениями в армии царской России».⁶¹ Разумеется, никаких «уступок требованиям» не было, а история «современных» национальных воинских и милиционных частей в России насчитывала не одно десятилетие (например, Дагестанские конные полки, Туркменский конно-иррегулярный дивизион).

Использование латышских стрелков, вызвавшихся упорно защищать свои родные места на самых трудных участках фронта, было сопряжено со значительными потерями убитыми, ранеными и пленными. Это порождало брожение в умах, причудливую смесь национализма и восприимчивости к леворадикальной пропаганде, усилившейся после падения монархии в феврале 1917 г. Поползли злонамеренные слухи о том, что русское командование якобы специально создает условия для уничтожения латышских солдат под оружейным и пулеметным огнем немцев.⁶² На этом фоне экзальтированная героизация в латышской печати и общественном мнении исключительно латышских стрелков привела к замалчиванию подвигов русских солдат.⁶³ В результате мало кто из латышских обывателей в январе 1917 г. знал, что, например, вместе с 1-м Усть-Двинским и 7-м Бауским латышскими стрелковыми полками своей атакой у озера Бабите прославились в кровопролитных «рождественских боях» (23 декабря 1916 г. – 2 января 1917 г.) 11-й пехотный Псковский и 56-й пехотный Житомирский полки. Это стало истоком мифа о том, что смело сражались только латышские стрелки.

Злонамеренные слухи времен Великой войны и горькие оценки историков переплелись в современной мифологии, которую представляют латвийским школьникам: «Кровавые бои продолжались, немецкое наступление было задержано, но Елгава и Курземе остались в руках немцев. Потери латышских стрелков – около 2 тыс. убитыми и 7 тыс. ранеными – были бессмысленны. Многие считали, что верховное командование русской армии сознательно стремилось уничтожить латышские полки. Хотя сознательное предательство не было доказано, возмущение латышских стрелков было обоснованным. Оно также имело большое значение в последующих событиях».⁶⁴ Другие латышские авторы внушают школьникам: «Осенью 1915 г. немецкая армия быстро продвигалась вперед на рижском направ-

⁵⁹ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 54.

⁶⁰ Klišāns V. Vēsture vidusskolai. III daļa. Mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 2005. 56. lpp. Переутвержден Министерством образования и науки ЛР в 2008 г.

⁶¹ Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 176, 177.

⁶² Balodis A. Latvijas un latviešu tautas vēsture. Rīga: Kabata, 1991. 165. lpp.

⁶³ См.: Гайворонский К. С. Рождественские бои как пример удачной «исторической приватизации» // Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 47–54.

⁶⁴ Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Указ. соч. С. 57.

ленин. Русская армия не боролась с полной отдачей, так как была апатичной; генералы не хотели и не могли вдохновить солдат на борьбу. Противника они считали превосходящим, а землю, за которую следовало бороться, чужой для себя».⁶⁵

Стираются в Латвии из памяти и места захоронений русских воинов, их подвигов при защите большого Отечества. Так, латышский историк Я. Лисманис в своей фундаментальной книге, посвященной мемориализации мест боев и захоронений воинов на территории Латвии в период с 1915 по 1920 г., дает описания и ссылки на 252 захоронения солдат Российской армии разных национальностей, отмечая при этом, что «большая часть из них не сохранилась до нашего времени».⁶⁶ Однако латвийский краевед А. Ржавин приводит данные о том, что ранее таких захоронений существовало около 500, включая единичные и расположенные на немецких кладбищах. Подготовленный его стараниями мартиролог «Список захоронений воинов Российской армии, погибших во Вторую Отечественную войну (1.8.1914–3.3.1918) на территории Курляндской, Лифляндской и Витебской губерний Российской империи (с 1.9.1917 Российской республики)» доступен в электронном виде.⁶⁷ Общая численность воинов Российской армии, захороненных на территории Латвии, точно не известна, тогда как немцы подсчитали количество своих павших солдат, которых было около 24 тыс.⁶⁸

Роль Февральской революции как катализатора автономистских (и скрытых сепаратистских) тенденций на неоккупированной немцами части Латвии отражена в научной, научно-популярной и учебной литературе: «У каждой нации есть право на самоопределение. Получение государственного суверенитета является неотъемлемой частью этого права. Латышская нация использовала историческую возможность и завоевала суверенное государство. Латвийское государство образовалось в период, когда Российская империя в Первой мировой войне стояла на пороге военного, экономического и политического краха. Февральская революция открывала широкие возможности для автономии живущих в России народов».⁶⁹

В целом спектр вариантов военно-политических и территориальных решений местные историки представляют себе таким образом: «После Февральской революции мнения о дальнейшей судьбе Латвии были разными. Временное правительство с читало Латвию неотъемлемой частью России, у населения которой не могло быть никаких прав на самоопределение. Крупнейшей латышской партией того времени были социал-демократы, которые раскололись на две группы – большевиков и меньшевиков. Большевики считали, что Латвия должна быть в составе России. Они были убеждены, что большевики должны взять всю власть в России, а также в Латвии, действуя в соответствии с учением К. Маркса о государстве диктатуры рабочих. В Латвии ими руководил Фрицис Розинь.

Меньшевистская часть социал-демократии Латвии в большей мере защищала интересы латышского народа. Она требовала для Латвии права на автономию, чтобы латышский народ на своей земле мог свободно выбирать путь своего хозяйственного и культурного развития. Позднее они примкнули к сторонникам идеи независимого Латвийского государства и окончательно порвали с большевиками».⁷⁰

⁶⁵ Goldmane S., Klišāne J., Kļaviņa A., Misāne I., Straube L. Vēsture pamatskolai. Latvija 20. gadsimtā. Mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 2006. 26. lpp.

⁶⁶ Lismanis J. 1915–1920 kauju un kritušo karavīru piemiņai: Pirmā pasaules kara un Latvijas Atbrīvošanas cīņu piemiņas vietas / Jānis Lismanis; priekšv. aut. Eižens Upmanis. Rīga: N. I. M.S., 1999.

⁶⁷ Русское Общество в Латвии: интернет-сайт. URL: http://voin.russkie.org.lv/2ov_bkm.php.

⁶⁸ Lismanis J. Op. cit.

⁶⁹ Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 2007. 28. lpp.

⁷⁰ Курлович Г., Томашун А. Указ. соч. С. 187.

Как известно, по мере продвижения германских войск, которым в августе 1917 г. удалось форсировать Западную Двину и захватить Ригу и часть Рижского уезда, происходила большевизация латышских стрелков и значительной части мирного населения неоккупированных территорий, а также активизация национал-буржуазных и национал-интеллигентских кругов. Поток беженцев был уже не столь мощным, как в 1915 г.; в Риге осталось немало латышей, что открывало этот региональный центр для различных политических спекуляций с германской стороны.

Наряду с фактором германской оккупации Курляндии и Риги (а с февраля 1918 г. – всей территории современной Латвии) расшатывали ситуацию и отсутствие устойчивой власти в Петрограде, и нарастание радикальных настроений и насилия, и «похабный» Брестский мир, и опасения в латышских политических кружках утратить родные земли «навсегда». Все это постепенно открывало путь к «интернационализации» прибалтийского вопроса, упованию на волю Антанты и/или германских сил, созданию уже в 1918 г. откровенно марионеточных («правительство Ниедры») или «просто» коллаборационистских («правительство Улманиса») политических новообразований – вопреки мифам о решающей роли «Освободительной войны» против войск и красноармейцев.

Возникшие в ходе Первой мировой войны хозяйственная разруха и социальные беды (массовая безработица, нужда, голод, большая численность нетрудоспособных инвалидов), как отмечают историки, в сочетании с жестоким террором немцев на оккупированных территориях ощутило задела широкие слои латышского населения и явились факторами его революционизирования.⁷¹ В авангарде трансформации политико-административного ландшафта неоккупированной части Лифляндии стояли большевики, сочетавшие тактику создания новых органов власти (Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии – Исколат) и борьбы за места в официальных структурах. Такой подход дал им не только возможность закрепить свое доминирование в советах, но и превратить в манифестацию торжества своей партии легальные выборные органы. Так, в сентябре 1917 г. представители большевиков в Видземском земском совете получили голоса 63 % фактических избирателей, а в ноябре за делегатов Учредительного собрания России проголосовали 72 %. («Крестьянский союз» К. Улманиса, являвшийся наиболее популярной правой силой, довольствовался соответственно 36 и 23 % голосов). Таким образом, еще до Октябрьского переворота 1917 г. территория Латвии, не занятая немцами, считалась одним из самых большевизированных регионов России.

Стоит ли удивляться, что после Октябрьского переворота в Петрограде в не занятой немцами большей части Лифляндии практически без сопротивления была установлена советская власть. Затем в условиях немецкой оккупации, подписания большевиками Брестского мира, Гражданской войны и иностранной интервенции прибалтийский вопрос был вытолкнут из внутривнутриполитического контекста в международно-политическую плоскость. Под лозунгом борьбы с большевистской угрозой в схватку за передел прибалтийских окраин России вступили Германия, Великобритания, Франция и США.

После поражения Германии в Первой мировой войне Антанта использовала ее вооруженные силы в Прибалтике с конца 1918 г. для «перемалывания» большевиков, а сами немцы, маневрируя между странами-победительницами, стремились так или иначе закрепиться в регионе. С одной стороны, победа большевиков в Гражданской войне в России, их заинтересованность в преодолении международной блокады, с другой – стремление бывших союзниц России ослабить ее или во всяком случае выстроить для Запада «санитарный кордон» против большевизма создали условия для международного признания суверенитета «буржуазных» Латвии и Эстонии.

⁷¹ Воробьева Л. М. Указ. соч. С. 97.

В учебной литературе эти события подаются с изрядным цинизмом: *«Россию раздирали военные действия и смута, в которые большевики широко вовлекали латышские стрелковые части. Их посылали на ликвидацию бунта бывших союзников большевиков – левых эсеров в Москве, против белогвардейской армии адмирала Колчака и в другие места»*.⁷² Также школьникам внушают, что *«большевики не отказались от имперской идеи, лишь замаскировав ее интернационализмом и тезисом о праве наций на самоопределение, однако их попытка в 1919 г. с помощью военного вторжения и разжигания гражданской войны сформировать в Латвии свой режим не увенчалась успехом»*.⁷³

Руководство Советской России 2 февраля 1920 г. заключило мирный договор с Эстонией, а 11 августа – с Латвией, пойдя на территориальные и финансовые уступки. 26 января 1921 г. Верховный совет стран Антанты по инициативе Франции принял решение о признании *де-юре* отделения Латвии и Эстонии от России. 28 июля 1922 г. последней из стран-победительниц юридически признали Латвию и Эстонию США, причем с оговоркой гос-секретаря США Ч. Э. Хьюза: *«...Соединенные Штаты последовательно настаивали, что расстроенное состояние русских дел не может служить основанием для отчуждения русских территорий, и этот принцип не считается нарушенным из-за признания в данное время правительств Эстонии, Латвии и Литвы, которые были учреждены и поддерживаются туземным населением»*.⁷⁴ При этом юридическое признание Литвы западными странами произошло только 20 декабря 1922 г.

Судьба Латвии и других прибалтийских земель решалась при прямом вмешательстве внешних сил в условиях военной и послевоенной разрухи, с учетом зарубежных «геополитических» наработок и идеологического противостояния. Определенной части латышского общества удалось решить вопрос создания национального государства в свою пользу. Не вдаваясь в подробный разбор споров о легитимности тех или иных решений в условиях присутствия иностранной военной силы, обратим внимание на вопрос их репрезентативности. Население латвийских территорий в годы Первой мировой войны уменьшилось почти вдвое, считая погибших, эвакуированных, беженцев и мобилизованных в армию: из примерно 2,5 млн человек, проживавших там в 1914 г., в 1918 г. осталось лишь около 1,3 млн человек. Эта статистика дает яркое представление о степени деформации довоенного общества Курляндии и Лифляндии, многие лучшие представители которого погибли или оказались в ключевой момент истории вне пределов Латвии. Эти и другие «неудобные» вопросы в современной латвийской исторической науке и памяти стараются не поднимать.

* * *

Первая мировая война в Прибалтике в зеркале местной исторической науки и народной памяти, как представляется, не находится в фокусе исследовательского и общественного внимания. Вместе с тем еще с межвоенного и эмигрантского периодов накопилось немало мифов, по большей части антирусских и антирусских, так или иначе связанных с Великой войной – от выдумок о русских генералах, специально сдававших литовские и латвийские территории немцам, славших на верную гибель латышских стрелков, до мифов о том, что урона от русских войск местному населению было больше, чем от немецких; от тенденции преуменьшать степень влияния «благоприятных обстоятельств» в обретении независимости до преувеличения усилий и героизма собственных политиков, дипломатов и военных.

⁷² Курлович Г., Томашун А. Указ. соч. С. 189, 190.

⁷³ Kurlovičs G., Tomašūns A. Op. cit.

⁷⁴ Цит. по: Фоменко А. В. Прибалтийский вопрос в отношениях США с Советской Россией: 1918–1940. От появления независимых прибалтийских режимов до включения их в состав СССР. М.: ЛЕНАНД, 2009. С. 60.

Возможно, что отголоски печальной даты 100-летия начала Великой войны еще вызовут у прибалтийских ученых интерес как к исследованию конкретных региональных, биографических «белых пятен» в истории Первой мировой войны, так и побудят к написанию серьезных обобщающих работ, лишенных крайностей этноцентризма.

Латвия, Литва и Эстония в контексте внешнеполитических и военных проблем (1933–1941)

Сложные переплетения внешнеполитических, военных и экономических процессов в 1930-е гг. на Европейском континенте оставили своеобразный отпечаток на восприятии Эстонией, Латвией и Литвой, их властными группировками и обществами, своего места в мире. После установления в Германии экспансионистского гитлеровского режима, опиравшегося на человеконенавистническую идеологию и прямое насилие, прибалтийским странам предстояло определиться в стратегии и тактике отношения к нацистскому Берлину, а также выстраивания связей с соседями, включая СССР, и странами Запада.

Утверждение в Прибалтике авторитарного правления с профашистской идеологией (с 1926 г. – диктатура Антанаса Сметоны в Литве, с 1934 г. – диктаторские режимы Константина Пятса в Эстонии и Карлиса Улманиса в Латвии) оказало ключевое влияние на формирование стереотипов, предпочтений и антипатий официальных Риги, Таллина и Каунаса к ведущим акторам в мировой политике. При этом особая ситуация сложилась в Литве, военно-политическое положение которой характеризовалось хроническим конфликтом с Варшавой (и, следовательно, международной «полуизоляцией») из-за оккупированного польскими войсками Вильнюса и окрестных земель, а также нараставших реваншистских претензий Германии в «мемельском вопросе» (Клайпеда).

* * *

Прослеживая дипломатические выражения и особенности режима, характерные для Латвии как центральной страны региона в период диктатуры Карлиса Улманиса (1934–1940), можно уяснить закономерности провала противоречивых попыток сохранить нейтралитет и «вождистскую» государственность в условиях начавшейся Второй мировой войны и неизбежного драматического столкновения СССР и Германии.

Приход в январе 1933 г. к власти в Германии Адольфа Гитлера означал образование в центре Европейского континента очага военной опасности. Идеология нацистов, их внешнеполитическая доктрина опиралась на представления о расовом превосходстве «арийцев» и требования мировой гегемонии «Тысячелетнего рейха». В прибалтийских столицах с самого начала недооценивали разрушительный потенциал нацизма и настрой гитлеровского руководства на освобождение Берлина от каких-либо военных ограничений Версаля, хотя лозунги пересмотра территориально-политических последствий Первой мировой войны и вызывали нарастающие опасения у ближних и дальних соседей Германии. Так, латвийский посол в Берлине Э. Криевиньш 31 января 1933 г. писал министру иностранных дел ЛР К. Заринышу, что кабинет Гитлера является «новым экспериментом» – и еще неясно, кто больше, а кто меньше имеет повод радоваться. В свою очередь, германский посол в Риге Г. Марциус сообщал своему руководству о том, что латыши все же опасаются германской угрозы своей независимости, хотя антикоммунизм нового правительства Германии вызывает широкое удовлетворение в Латвии.⁷⁵ Попытки латвийской дипломатии как можно скорее успокоить общество не увенчались успехом: госсекретарь МИД Германии Б. фон Бюлов отверг идею подписания совместного коммюнике об отношениях двух стран.

⁷⁵ Purkl A. Die Lettlandpolitik der Weimarer Republik. Studium zu den deutsch-lettischen Beziehungen der Zwischenkriegszeit. Münster, 1996. S. 256.

Утверждение германского посла о «широком удовлетворении» было явным преувеличением. Наоборот, в латвийском обществе наблюдались массовые протестные настроения в адрес местных и германских нацистов, выразителями которых, наряду с коммунистами, были влиятельные в тот период социал-демократы. Можно сказать, что в 1933 г. Латвийская Республика оказалась на авансцене противодействия гитлеризму и фашизму, однако продержалась там совсем недолго. Так, лидер латвийских социал-демократов Б. Калниньш от имени своей партии 8 марта выступил в печати с требованием к правительству ЛР «выдворить из Латвии фашистов-гитлеровцев». 17 марта Сейм поддержал предложение этой партии о высылке фашиствующих иностранцев, закрытии организаций и печатных органов их местных сторонников. В ответ Германия пригрозила торговым эмбарго и рядом других репрессивных мер. Еще одна тема противостояния возникла после решения германских нацистов о бойкоте еврейских магазинов и предприятий с 1 апреля 1933 г. В ответ латвийские евреи организовали встречную акцию в отношении немецких товаров. Берлин, в свою очередь, нанес удар по латвийской экономике, приостановив импорт масла, составлявший в тот период 51 % от общего объема латвийского экспорта этого продукта.⁷⁶ «Масляная война» была свернута в июне 1933 г., когда стало ясно, что официальная Рига не предпримет практических шагов против нацистов.

Таким образом, Кабинет министров Латвии предпочел пойти на уступки и не выполнять антинацистское парламентское решение. Более того, «главным врагом» были демонстративно объявлены вовсе не нацисты, а депутаты-коммунисты в Сейме, которые и были в ноябре 1933 г. арестованы по обвинению в «государственной измене». Этот политический жест, благосклонно воспринятый в Берлине, фактически стал прологом к военному перевороту в Латвии в мае 1934 г.

Активизация нацистов уже в 1933 г. привела к существенным изменениям во внешнеполитических подходах советского руководства, сделавшего ставку на поддержку доктрины коллективной безопасности в Европе и гарантированного нейтралитета государств-лимитрофов, не развернутого де-факто против СССР. Дипломатические усилия Москвы были обусловлены потребностями предотвращения военной угрозы. В частности, прибалтийская проблема сводилась к следующему: в случае войны обосновавшийся в регионе противник имел возможность, во-первых, блокировать Краснознаменный Балтийский флот и, во-вторых, с выгодных позиций начать наступление на Ленинград, потеря которого могла обернуться для Советского Союза катастрофическими последствиями.

Вместе с тем активность Москвы на международной арене по предотвращению фашистской угрозы вызывала недоверие и подозрительность в странах Прибалтики. Правящие круги в этих государствах продолжали оставаться в плену доктрины «санитарного кордона» против коммунизма, все еще рассчитывая на поддержку Лондона, Парижа и Вашингтона, а в случае ее дефицита – на формирование «блока нейтралов» или некоторый эффект от сближения с Берлином. Так, в декабре 1933 г. Латвия и Финляндия подписали секретный протокол о военно-политическом сотрудничестве, содержащий призыв к созданию прибалтийско-скандинавского союза. Но попытка главы МИД Латвии В. Салнайса найти поддержку в ходе визита в Стокгольм не увенчалась успехом: шведы не были заинтересованы в доминировании на прибалтийской площадке сближавшихся между собой Польши и гитлеровской Германии, но латышам, эстонцам и литовцам не доверяли, желая вообще избежать каких-либо блоковых обязательств.⁷⁷

⁷⁶ Kangeris K. Latviešu un ebreju attiecības Trešā reihā skatījumā. 1933. – 1939. gads // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sēj.). Rīga, 2003. 54. lpp.

⁷⁷ См.: Петренко А. И. Влияние переворота К. Улманиса 15 мая 1934 г. на шведско-латвийские отношения // Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 185–189.

Военно-политическая обстановка в регионе, с учетом нацистской угрозы для Советского Союза на прибалтийском направлении, все же требовала от Таллина, Риги и Каунаса иного уровня гарантий, соответствовавших законным и жизненно важным интересам безопасности СССР. Со своей стороны, советское руководство понимало значимость и настойчиво добивалось надежно гарантированного нейтралитета Эстонии, Латвии и Литвы. Нейтралитета, не препятствующего коллективным действиям против агрессора и способного перерасти в союзнические отношения в оборонных вопросах. *«Созданные Антантой балтийские государства, которые выполняли функцию кордона или плацдарма против нас, сегодня являются для нас важнейшей стеной защиты с Запада»*, – констатировал в начале 1934 г. заведующий бюро международной информации ЦК ВКП(б) Карл Радек.⁷⁸

Однако Эстония, Латвия и Литва ревностно следили за соблюдением формальных аспектов своего суверенитета в случаях, когда международные инициативы исходили от Москвы или с ее подачи. Так, в январе 1934 г. Рига и Таллин отклонили общее предложение СССР и Польши о предоставлении прибалтийским странам гарантий их безопасности; отказалась в итоге от подписания совместной декларации о заинтересованности в неприкосновенности Прибалтики и Варшава.⁷⁹ Получив отказ польского руководства, Кремль попытался добиться гарантий независимости прибалтийских стран от Германии. Берлину было предложено подписать протокол, в котором правительства СССР и Германии обещали бы «неизменно учитывать в своей внешней политике обязательность сохранения независимости и неприкосновенности» прибалтийских государств. Германия также отвергла это предложение.⁸⁰

Стремительный вираж Польши по сближению с нацистским Берлином и заключение с ним 26 января 1934 г. соглашения о «ненападении и взаимопонимании» подтвердил необходимость рассматривать вопросы безопасности в более широком составе участников, а также укреплять двустороннюю договорно-правовую базу. 20 марта 1934 г. СССР предложил прибалтийским странам продлить действие договоров о ненападении от 1932 г., которые выражали на это согласие и 4 апреля пролонгировали их сроком на 10 лет.

Тем временем Варшава укрепляла секретные контакты с Латвией и Эстонией по разведывательному взаимодействию в ущерб интересам СССР. Вот, например, как этот сюжет отражен в одном польском издании, посвященном юбилею генконсульства этой страны в Санкт-Петербурге: *«Ленинград как самый крупный советский порт и большой железнодорожный узел, а прежде всего место размещения военного гарнизона и крупный промышленный центр, был чрезвычайно интересен как для польской, так и для других иностранных разведок, а также порты в Архангельске, Мурманске и другие не менее важные объекты на территории консульского округа. Разведывательную деятельность поддерживал посланник Речи Посполитой в Москве Юлиуш Лукашевич (инструкция Лукашевича от 12 октября 1933 г. выдана консулу РП в Ленинграде [Збигневу Белине-Пражмовски-Крынски, 1.08.1933–15.10.1934]), который советовал также сотрудничать с консульствами прибалтийских стран»*.⁸¹

Весной-летом 1934 г. проходили советско-французские переговоры о широкомасштабной программе коллективной безопасности, на которых обсуждалась идея заключения Восточного пакта («Восточного Локарно») с участием СССР, Германии, Чехословакии, Польши, Финляндии, Литвы, Латвии и Эстонии, а также Франции в качестве гаранта. Гер-

⁷⁸ Кен О., Рупасов А. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. М., 2000. Кн. 1. С. 107, ссылка 129.

⁷⁹ Там же. С. 104.

⁸⁰ Там же. С. 106.

⁸¹ Kozłczyński J., Kunkite M. Kartki z historii: Polska misja dyplomatyczna nad Nevą. 1926–1989 = Страницы истории: Польская дипломатическая миссия на Неве. 1926–1989. Warszawa, 2007. С. 39.

мания, Польша, а вслед за ними прибалтийские страны, так или иначе, отвергли эту инициативу. Отказалось от роли гаранта в данном формате и правительство Франции.

Значительно меньшую щепетильность в отношении своего суверенитета прибалтийские столицы проявляли, добиваясь гарантий безопасности от Великобритании, которую считали своим главным военным союзником. В ответ на все дипломатические заходы латышей, литовцев и эстонцев Лондон выражал «индифферентность», что позволило, например, послу Латвии в Британии К. Заринышу прийти к выводу: Туманный Альбион до сих пор заинтересован в существовании Латвии и остальных стран Балтии, но не настолько, чтобы защищать их с оружием в руках. Латвийский историк А. Зунда, посвятивший монографию двусторонним отношениям с этой страной, отмечает: *«Вместе с тем Латвия в середине и второй половине 30-х гг. все еще надеялась на возможности экономического и политического сближения с Великобританией. Многократные визиты [главы МИД] В. Мунтерса в Лондон и его прием на самом высоком уровне, а также переговоры с английскими руководителями и их туманные обещания заботиться о мире и стабильности в рамках Устава Лиги Наций сохраняли какие-то надежды. Однако никаких конкретных действий с британской стороны не последовало. Наоборот, в рассматриваемый период Англия всеми силами стремилась добиться соглашения с Германией. Модели такого соглашения неоспоримо затрагивали все восточноевропейские государства, в том числе Балтию»*.⁸²

Отмечая нарастающее безразличие Великобритании и Франции к безопасности прибалтийских стран и осознавая слабые перспективы тесного военного сотрудничества с Финляндией, МИД Латвии склонялся к выводу, что единственным надежным партнером может быть Эстония (при том что в Таллине к «надежности» латышей относились с заметным скепсисом). 17 февраля 1934 г. союзнические отношения Латвии и Эстонии были значительно укреплены и расширены, включая вопросы регулярной координации внешнеполитической деятельности. Балтийская Антанта была открыта для присоединения Литвы, однако из-за «виленского вопроса» и подозрений в «излишнем сближении» каунасской Литвы с Москвой доверительное сотрудничество, особенно в военной и разведывательной сферах, не складывалось.

* * *

На основе заимствований из «модных» европейских идейных девиаций и банальной ксенофобии местного происхождения, по крайней мере, с середины 1920-х гг. в прибалтийских странах верстались планы построения националистических государств, в которых этнические меньшинства должны были знать «свое место». Их идейную основу составляли звонкие лозунги и эпические представления о литовском, латышском или эстонском «хозяине»,⁸³ антикоммунизм, элементы фашистских корпоративистских идей, антисемитские, русофобские или полонофобские настроения (особенно в Литве, но отчасти и в Латвии). Типологическую общность установившихся в регионе к середине 1934 г. диктатур отмечает российский историк Елена Зубкова: *«Сделав ставку на армию, националистов и бюрократию, лидеры балтийских стран одновременно позаботились об устранении политической оппозиции своим режимам. Политический плюрализм времени парламентской демократии ушел в прошлое»*.⁸⁴ При этом, на наш взгляд, важную роль для оценки военно-политических рисков, связанных с внешней и внутренней политикой прибалтийских стран,

⁸² Zunda A. Latvijas un Lielbritānijas attiecības 1930–1940. Realitāte un ilūzijas. Rīga, 1998. 9., 10. lpp.

⁸³ См., например: 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. 582. lpp.

⁸⁴ Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. С. 33.

играет идеологическое наполнение установившихся там диктаторских режимов, характер и пропорции заимствований из-за рубежа.

Среди источников вдохновения для пропагандистского обеспечения новых режимов в Литве, Латвии и Эстонии значительное место занимал итальянский фашизм. Так, в июньском номере журнала «Айзсаргс» за 1934 г. наряду с обильным славословием в адрес К. Улманиса была предпринята попытка обосновать необходимость «вождизма» в Латвии, со ссылкой на итальянский фашистский опыт и откровенной лестью в адрес дуче. Статью, в которой прославлялся Б. Муссолини, украшал заголовок: *«Вождь народа и значение вождизма. В особенности небольшим народам необходимы могучие и отважные вожди»*.⁸⁵ Следует отметить, что и сам Улманис после переворота ссылался на Муссолини и фашистский режим, усматривая в нем образец для подражания в делах управления государством, в социальной политике и формировании образа сильного вождя.

Встречного энтузиазма со стороны итальянских фашистов в ответ на откровенную лесть официальной Риги не наблюдалось, за исключением общих мер по популяризации своей идеологии за рубежом, иллюстрациями которых стали визиты в Латвию видных пропагандистов фашизма, в частности Алессандро Паволини (летом 1934 г.). Всерьез братья Каунас, Ригу и Таллин в «ученики» и союзники они не собирались, в отличие от Румынии, с которой Рим заключил союзнический договор в сентябре 1926 г. Итальянский исследователь дипломатических отношений с межвоенной Латвией Валерио Перна отмечает, что Муссолини было приятно получать свидетельства пиетета к его персоне (и фашизму в целом). При этом *«с середины 1930-х гг. Муссолини рассматривал Прибалтику как территорию естественной экспансии немецкого влияния и считал за лучшее не брать на себя никаких обязательств в этих государствах»*.⁸⁶ Тем не менее прибалтийская дипломатия не оставляла попыток добиться благосклонности итальянских фашистов, рассчитывая на некое посредничество Рима в прояснении перспектив отношений с Германией. После разворачивания в октябре 1935 г. итальянской агрессии в Эфиопии официальная Рига заняла профашистскую позицию, а глава МИД Латвии Вилхелмс Мунтерс постарался опередить других в признании «Итальянской империи».

Живой интерес Улманиса к фашизму носил не только пропагандистско-зондажный, но и содержательный характер. В частности, он еще до переворота, в октябре 1933 г., поручил новому послу Латвии в Италии А. Спекке детально ознакомиться с корпоративистской системой Муссолини⁸⁷ и почерпнул оттуда ряд идей. Впрочем, последовательным эпигоном итальянского фашизма латвийский диктатор не был – он периодически увлекался разными, порой абсолютно противоположными «немарксистскими» течениями. Так, по информации финского посла в Риге Э. Паллина, в процессе лечения в Германии Улманис попал под влияние национал-социалистов. Вызывал некоторую симпатию у него и опыт британских лейбористов (рабочая партия, опирающаяся на профсоюзы),⁸⁸ хотя латвийский «вождь» все же склонялся к непартийным формам достижения «единства нации». Латышский эмигрантский историк-коллаборационист Адольф Шилде объяснял негативное отношение Улманиса к применению в Латвии иностранного опыта построения однопартийной диктатуры тем, что он просто боялся внутривластной оппозиции, с которой уже сталкивался в своей «вотчине» – «Крестьянском союзе».⁸⁹

⁸⁵ Aizsargs, 1934, Nr. 6.

⁸⁶ Perna V. Itālija un Latvija. Diplomātisko attiecību vēsture. Rīga, 2002. 14. lpp.

⁸⁷ Там же, 85., 86. lpp.

⁸⁸ Rislaki J. Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonen. Rīga, 2004. 113. lpp.

⁸⁹ Šilde Ā. Latvijas vēsture. 1914–1940. Stokholma, 1976. 596. lpp.

Малоисследованным вопросом остается влияние на Улманиса, Сметону и Пятса других, региональных вариаций фашистского режима, в частности – румынской (как и в целом внешнеполитические контакты прибалтов с Румынией). В современной румынской историографии внешняя политика Бухареста в отношении Балтийских стран оценивается как «не очень динамичная» не только из-за географической удаленности, но и вследствие «уважения желаний польского правительства»,⁹⁰ заинтересованного быть «первой скрипкой» в регионе. Так, если независимость Латвии была признана Румынией вслед за Парижем 15 февраля 1921 г., то Литва, протестовавшая против оккупации Вильнюса польскими войсками, получила признание своей государственной самостоятельности Бухарестом только 24 августа 1924 г. Учет особых интересов Варшавы строился на положениях двустороннего союзнического договора 1921 г., согласно которым «Польша была первым государством, признавшим принадлежность Бессарабии к Румынии»,⁹¹ а Румыния – присоединение Восточной Галиции к Польше». ⁹² Однако основным его принципом был отказ от сотрудничества с Москвой без согласования со второй стороной этого договора.

Так как у Румынии до 1934 г. не было дипломатических отношений с Советским Союзом, то именно Варшава в этот период была главным источником алармистских сведений о маневрах советской дипломатии, настроениях коммунистического руководства и военном строительстве в СССР, а также площадкой для переговоров (безрезультатная советско-румынская конференция сентября – октября 1921 г.), что вполне устраивало польских политиков и льстило их самолюбию. Кроме того, именно в Варшаве до 1929 г. находилась резиденция румынского посла, отвечавшего за связи с Латвией, Литвой и Эстонией.

Мотором укрепления румынско-латвийских связей на антисоветской основе стал новый посол Румынии в Риге, будущий глава внешнеполитического ведомства фашистского правительства «Железной гвардии» (сентябрь – декабрь 1940 г.) принц Михаил Стурдза, занимавший этот пост с 1929 по 1935 г. В Риге при французском и польском посредничестве, больше походившем на строгий и ревностный надзор, проводились встречи М. Стурдзы с советской делегацией во главе с Борисом Стомоняковым, на которых в 1931–1932 гг. предпринимались попытки заключить договор о ненападении. Однако из-за не потерявшего принципиальности и актуальности для Москвы мирного разрешения вопроса об оккупации и аннексии Бессарабии ⁹³ переговоры румынской стороной были прерваны.

Ситуация изменилась только с назначением на пост министра иностранных дел Румынии Николае Титулеску в октябре 1932 г., у которого не сложились доверительные политические и личные отношения с главой польского МИД Юзефом Беком. За разногласиями последовала определенная эмансипация Бухареста от польской опеки, позволившая Румынии нормализовать контакты с Литвой и установить дипломатические отношения с Советским Союзом в июне 1934 г., несмотря на сохранение противоположных позиций по «Бессарабскому вопросу». ⁹⁴

При этом посол Стурдза, будучи политиком откровенно фашистских и антисемитских взглядов, возлагал большие надежды на укрепление личной власти премьер-министра Латвии К. Улманиса, с которым у него сложились дружеские отношения. Он горячо приветство-

⁹⁰ *Angels F. Starp paralēliem spoguļiem: Rumānijas un Latvijas attiecības starpkaru laikā* // *Latvijas Arhīvi*, 1999, Nr. 4. 87. lpp.

⁹¹ У этого утверждения есть некоторые формальные основания, так как подписанный 28 октября 1920 г. в Париже «Бессарабский протокол» (Румыния, Франция, Италия, Великобритания и Япония), «узаконивающий» аннексию Молдавии, был ратифицирован Францией только в 1924 г., но так и не вступил в силу из-за самоустранения от этого вопроса Японии.

⁹² *Angels F. Starp paralēliem spoguļiem: Rumānijas un Latvijas attiecības starpkaru laikā* // *Latvijas Arhīvi*, 1999, Nr. 4. 86. lpp.

⁹³ *Стату В.* История Молдовы. Кишинев, 2003. С. 348–349; *Мельтюхов М. И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. М., 2010. С. 158–162.

⁹⁴ *Angels F. Starp paralēliem spoguļiem: Rumānijas un Latvijas attiecības starpkaru laikā* // *Latvijas Arhīvi*, 1999, Nr. 4. 89., 90. lpp.

вал государственный переворот 15 мая 1934 г., всячески восхваляя режим Улманиса в своих депешах в Бухарест.

Общие и особенные тенденции в фашизации стран Центрально-Восточной Европы, включая Прибалтику, рассматривает канадский украинский историк Иван-Павел Химка, отметивший следующие важные нюансы: *«Обращение к опыту Румынии позволяет задуматься и о том, являлись ли черты восточно-центральноевропейского фашизма специфическими именно для этого региона? Можно выделить три наиболее явные характеристики легионистского движения: антисемитизм, антикоммунизм и самодисциплина. Антисемитизм играл важную роль во французском и немецком фашистских движениях, но не в Италии. С другой стороны, в Восточно-Центральной Европе просто не было такого варианта фашизма, который не включал бы сильный антисемитский компонент, особенно проявлявшийся в годы войны, в период альянса с германскими национал-социалистами. Антисемитизм был маркой фашистского движения в Румынии с его зарождения в 1920-х годах и никогда не ослабевал»*.⁹⁵

Следует отметить притягательность для прибалтийских властителей отдельных аспектов самой нацистской доктрины, ее реализации на практике. Так, латвийский историк Айварс Странга отмечает, что К. Улманису, посетившему 8 сентября – 18 октября 1933 г. нацистскую Германию для лечения, очень понравилась «волна восторга и электризации», сочетавшаяся с поклонением масс фюреру («отдельный человек – абсолютное ничто») и изгнанием евреев из государственных структур, учреждений культуры и образования. При этом «вождь» давал не только лестные характеристики фюреру и устанавливавшемуся нацистскому режиму, но и сделал замечательный в своей «прозорливости» вывод о том, что «новой Германии» бояться не стоит – «войны не будет».⁹⁶

* * *

На практике идейные заимствования и собственные идеологические «находки» прибалтийских авторитарных диктатур привели к созданию специфических структур и обкатке практик, объективно сближавших официальные Каунас, Ригу и Таллин с такими недемократическими режимами, как фашистские и нацистский. Например, в Латвии это вылилось в создание системы «камер» как органов надзора за объединениями торговцев, промышленников, ремесленников, сельхозпроизводителей и представителей «свободных профессий», монополизацию производства и торговли в руках «надежных» латышей, принудительную национализацию, выдавливание с рынка представителей «нетитульных» национальностей. По итогам государственного переворота 15 мая 1934 г. были распущены все политические партии, упразднен Сейм, частично ликвидированы самоуправления, прекращено («приостановлено») действие Сатверсме (конституции), закрыты многие печатные издания, запрещены собрания и демонстрации, задержаны более 2 тыс. человек, часть из которых была направлена в концентрационный лагерь в Лиепаяе. Репрессии затронули и конкурентов К. Улманиса по силовому сценарию захвата власти в ультраправом лагере: запреты политической деятельности и аресты распространялись на активистов фашистских организаций «Перконкрустс» Г. Целминьша и «легионеров» В. Озолса.

Хотя Карлис Улманис не инициировал физическое уничтожение евреев и пресекал несанкционированное насилие, но после переворота 15 мая 1934 г. у многих из них отнимались разрешения на работу адвокатами и врачами, им больше не могли принадлежать пред-

⁹⁵ Химка Дж. – П. О значении ситуационного элемента в восточно-центральноевропейском фашизме // *Ab Imperio*, 2010, № 4. С. 108–109.

⁹⁶ *Stranga A. Ebreji un diktatūras Baltijā (1926–1940). Rīga, 2002. 164., 165. lpp.*

приятия в ряде отраслей экономики. Под нажимом нацистов из Латвии постепенно выдавливались иностранные компании с еврейским капиталом.

Брутальная риторика «вождя» не сопрягалась с кровавыми расправами – он предпочитал создавать для недовольных невыносимые условия существования, практиковал аресты, тюремное заключение и высылку из страны оппозиционеров, следил с помощью агентов Политуправления полиции за их активностью в эмиграции, лишал подданства. В частности, гражданство ЛР было отнято даже у бывшего министра иностранных дел (1926–1928), депутата Сейма четырех созывов и посла во Франции (1933–1934) Ф. Циеленса, остро критиковавшего «вождя» в зарубежных изданиях. В период диктатуры Улманиса официально не был приведен в исполнение ни один смертный приговор политического характера, хотя некоторые левые активисты получили тяжкие травмы или погибли при загадочных обстоятельствах.

Политическая верхушка, концентрировавшаяся вокруг Улманиса, была подобрана по принципу личной преданности, а не деловых качеств. При этом она включала в себя персонажей, весьма различных по внешнеполитическим симпатиям, антипатиям и предрассудкам. Военный министр, позднее – вице-премьер Балодис, практически единственный из окружения диктатора, кто отваживался ему что-либо возражать, сохранял антинемецкую подозрительность. Постепенно он был отодвинут с авансцены, проиграв аппаратную схватку за милость «вождя» молодым выдвиженцам – склонному к опасным дипломатическим играм с Берлином Вилхелму Мунтерсу (глава МИД) и Алфреду Берзиньшу, главному вдохновителю и организатору кампании по установлению культа личности Улманиса («товарищ» (заместитель) министра внутренних дел, позднее возглавил Министерство общественных дел, курировал военизированную организацию «айзсаргов»). Министр финансов А. Валдманис (1938–1939) впоследствии сотрудничал с нацистскими оккупантами. Ориентации на укрепление связей как с Великобританией – Францией, так и с Финляндией – Эстонией придерживался назначенный в 1934 г. командующим латвийской армией генерал Кришьянис Беркис; при этом в среде генералитета имелись как неприкрытые, так и более осторожные «друзья Германии» (начальник штаба армии М. Хартманис, О. Данкерс и др.).

Советское руководство в целом было осведомлено о политических раскладах и симпатиях в латвийских верхах, получая характеристики персонажей не только от полпредства в Риге, но и по линии разведки. Так, достоянием ГУГБ НКВД СССР стал доклад чешского посла в Риге П. Берачека в МИД ЧСР от 21 сентября 1938 г. по вопросу об отношении Латвии и других прибалтийских стран к вероятному советско-германскому конфликту и мировой войне. В нем были проанализированы противоречивые настроения в окружении Улманиса и приведена нелестная характеристика латвийского диктатора, данная французским послом в Риге Ж. Триппье: *«Он реагирует на все как немец. Когда он сталкивается с силой, он пресмыкается, когда чувствует себя более уверенным, становится наглее»*. В этом докладе также был представлен вывод: *«Со своей стороны считаю, что окончательное решение Латвии – зависело бы от первоначальных успехов той или иной стороны, но все же предполагаю, что в случае столкновения русских и немецких войск на территории Латвии, латыши, пожалуй, решили бы стать на советскую сторону, учитывая симпатию большинства народа. [...] Что касается президента Улманиса, то он не мог бы противопоставить себя крестьянству и в этом случае, вероятнее всего, пошел бы вместе с армией и аграрниками против немцев. Другое дело, если англо-французская комбинация проявила бы свою военную беспомощность и неподготовленность, а немцы имели бы молниеносные успехи вначале»*.⁹⁷ Как известно, мрачный прогноз чешского дипломата относительно положения западных союзников в первые годы войны оправдался. Судьба же самой Латвии была решена до начала

⁹⁷ Прибалтика и геополитика. Сборник документов (1935–1945) / Сост. Л. Ф. Соцков М., 2006. С. 54–58.

военных действий нацистской Германии против СССР, поэтому судить о реальных соблазнах для Улманиса встать на сторону немцев можно лишь в вероятностном ключе.

* * *

В 1936–1937 гг. нараставший германский экспансионизм еще слабо выделял прибалтийский приоритет, за исключением пропагандистской и разведывательной деятельности на территории Литвы, Латвии и Эстонии, а также поддержки организаций балтийских немцев. Однако в Берлине внимательно следили за настроениями в политическом и военном истеблишменте прибалтийских стран. В 1937 г. подготовленный по приказу военного министра Германии генерал-фельдмаршала В. фон Бломберга военный план отражал немецкие представления о прибалтийских странах и результатах проделанной работы: Эстония получила лестную характеристику «друга», Литва считалась врагом, а по поводу Латвии возникали сомнения.

Иллюстрацией противоречий в позиции основных латвийских военно-политических фигурантов может служить инцидент с посещением Берлина командующим армией Латвийской Республики Беркисом в 1937 г.: он решился на этот шаг (сразу после турне Лондон – Париж) вопреки категорическим возражениям военного министра Балодиса и при поддержке министра иностранных дел Мунтерса. В том же году Улманис лично подчеркнул приоритетность контактов с нацистами: во время визита в Ригу начальника Генштаба РККА маршала А. Егорова, прибывшего в ответ на посещение СССР латвийским коллегой, он так и не был принят диктатором, который предпочел в это время встречу с представителями НСДАП.⁹⁸

Последовательное укрепление германского влияния в Прибалтике, особенно в Эстонии, а также крушение проектов коллективной безопасности вызывало в Кремле серьезное беспокойство. Еще в 1936 г. И. Сталин публично выразил обеспокоенность в связи с возможностью сдачи прибалтийскими странами «границы в кредит» для агрессии против СССР.⁹⁹ В 1938 г. германское влияние в Прибалтике резко усиливается. Берлин под предлогом «воспитания прессы в духе нейтралитета» потребовал от стран Прибалтики навести «арийский порядок» в печатных изданиях, убрав евреев из состава корреспондентов за рубежом и редактората, а также из числа владельцев газет. Официальная Рига вскоре согласилась с антисемитскими претензиями нацистов в отношении издательского бизнеса и журналистики, устроив «чистку» в ведущих изданиях (таковая была произведена, в частности, в латышских газетах «Брива земе» и «Яунакас зиняс», а также в русскоязычном издании «Сегодня»). Как отмечал глава МИД Латвии В. Мунтерс в беседе с германским послом в Риге У. фон Котце в мае 1939 г., *«именно этот тихий антисемитизм дает хорошие результаты, которые народ, в общем, понимает и с которыми соглашается»*.¹⁰⁰

Другой иллюстрацией подчинения германской воле прибалтийской дипломатии стала ситуация с отказом от автоматического применения Эстонией, Латвией и Литвой статьи 16 Статута Лиги Наций, позволявшей, среди прочего, транзит советской военной силы по их территории, акватории и воздушному пространству для борьбы с агрессором в случае нападения на Чехословакию. Берлин при поддержке Таллина сумел надавить на Ригу и Каунас, выступив с угрожающей позицией: руководство Рейха *«не считает нейтральными страны,*

⁹⁸ Rislaki J. Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonen. Rīga, 2004. 155., 156., 157. lpp.

⁹⁹ Правда. 1936. 5 марта.

¹⁰⁰ Kangeris K. Latviešu ub ebreju attiecības Trešā reiza skatījumā. 1933. – 1939. gads // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sēj.). Rīga, 2003. 56. lpp.

допускающие проход иностранных войск через их территории».¹⁰¹ В результате 19 сентября 1938 г. Эстония и Латвия, а 22 сентября – Литва заявили о необязательности применения статьи 16, приняв тем самым и германское толкование «нейтралитета» (законы о котором в срочном порядке прибалтами были разработаны, утверждены и объявлены).¹⁰²

В секретных беседах с германскими представителями эстонское военное руководство не скрывало своей поддержки действий Германии в случае конфликта и желания быть полезными Рейху. Так, 5 июля 1938 г. германский посланник в Таллине Г. Фровейн известил Берлин о том, что начальник штаба эстонской армии генерал Н. Резк признал важность для Эстонии немецкого контроля над Балтийским морем в случае войны и *«заявил, что Эстония также может оказать содействие в этом деле. Например, Финский залив очень легко заминировать против советских военных кораблей, не привлекая никакого внимания. Имеются и другие возможности»*.¹⁰³ Советская разведка имела определенную информацию о подобных контактах и, в частности, отмечала, что Германия занимается «подготовкой морского плацдарма для войны на Балтийском море».¹⁰⁴

В обстоятельствах, когда Запад настойчиво желал перенацелить агрессию Гитлера на Восток (что показали «мюнхенский сговор» 1938 г. и раздел Чехословакии, все попытки выстроить единый фронт против нацистов не увенчались успехом, а Москва опасалась военного нападения не только со стороны Германии, но и Великобритании с Францией, при возможном участии Польши и Румынии в той или иной конфигурации союзников), – в этих обстоятельствах доверие к Эстонии, Латвии и Литве как политически устойчивому и в военном плане состоятельному союзнику или нейтралу улетучивалось у всех заинтересованных сторон, включая СССР. На фоне затухания геополитического интереса к Балтийскому региону у Великобритании¹⁰⁵ и Франции официальные Таллин и Рига стали в несколько большей мере прислушиваться к мнению Москвы, но предприняли отчаянную попытку заискивания перед Гитлером.

Если равнение эстонской внешней политики на гитлеровскую Германию было заметно уже в 1935–1937 гг., то кульминацией сближения Латвии с Рейхом, отмечавшегося еще в 1938 г., стал период весны – начала лета 1939 г. Оккупация Германией Чехословакии не привела к принятию официальной Ригой советского покровительства независимости Латвии; в предупреждениях из Москвы о недопустимости сближения с Германией зазвучали жесткие нотки, которые главой МИД В. Мунтерсом были проигнорированы и лишь подхлестнули попытку встроиться в фарватер германской политики при некотором отдалении от Великобритании и Франции.

Вместе с тем в историографии и публицистике распространены представления о том, что высшие руководители Литвы А. Сметона, Эстонии – К. Пятс и Латвии – К. Улманис, а также глава МИД Латвии В. Мунтерс и латвийский военный министр Я. Балодис, которому вменялись в вину «явно прорусские высказывания»,¹⁰⁶ были тесно связаны с советскими спецслужбами или даже стали «агентами ЧК». Отправными точками для подобных суждений, усиливаемых «тихим (само)подчинением» президентских диктатур в период вхождения советских войск и присоединения Прибалтики к СССР летом 1940 г., являются

¹⁰¹ Ilmjärv M. Silent submission... P. 285.

¹⁰² См.: Ковалев С. Н. СССР и Прибалтика: нейтралитет и договоры о взаимопомощи 1939 года // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 33–34.

¹⁰³ Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Serie D. Bd. V. Baden-Baden, 1953. S. 384.

¹⁰⁴ Цит. по: Ковалев С. Н. СССР и Прибалтика... С. 34.

¹⁰⁵ См.: Feldmanis I., Stranga A., Virsis M. Latvijas ārpolitika un starptautiskais stāvoklis (30. gadu otrā puse). Rīga, 1993. 21. lpp.; Zunda A. Latvijas un Lielbritānijas attiecības 1930–1940. Realitāte un ilūzijas. Rīga, 1998. 9., 10. lpp.

¹⁰⁶ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Странга А., Фелдманис И. История Латвии. XX век... С. 169.

исследование эстонского историка Магнуса Ильмярва¹⁰⁷ и мемуары заместителя начальника внешней разведки НКВД СССР (с 10 мая 1939 г.) П. Судоплатова. Однако отрывочные сведения о тайной финансовой подпитке литовских националистов для повышения их сопротивляемости польскому вмешательству в 1922–1926 гг., К. Улманиса и его окружения во второй половине 1920-х гг. или работе в Эстонско-советской Коммерческой палате (с 1924 г.) и Нефтяном синдикате К. Пятса в оппозиционный период не дают достаточно внятного ответа на вопрос о наличии и характере секретных контактов прибалтийских «вождей» с Москвой в период диктатуры, а мемуары Судоплатова¹⁰⁸ не позволяют с достаточной точностью верифицировать факт сотрудничества президента Эстонии, главы Латвии или ее внешнеполитического ведомства с советской разведкой, планы Москвы по «замене» Улманиса на Мунтерса и т. п. Разве обманывал В. Мунтерс германских представителей, утверждая: дислокация латвийской армии свидетельствует, что «мы вообще никогда в военном отношении не ориентировались иначе, как только против Востока»?¹⁰⁹ Также остается открытым вопрос, почему Улманис еще до переворота 15 мая 1934 г., неоднократно занимая «разъездной» пост министра иностранных дел, с 1926 г. отказывался от приглашений посетить СССР.

Так или иначе, прогерманский крен во внешней политике Латвии и Литвы весной-летом 1939 г. неоспорим. Эстонский историк Магнус Ильмярв дает объяснение ориентации прибалтийских правительств на нацистский Рейх: «К 1939 г. в условиях международного кризиса в Европе Латвия и Литва, следуя за эстонским примером поиска убежища под прикрытием риторики нейтралитета, также стали придерживаться внешнеполитической ориентации, которая в наименьшей степени служила национальным интересам этих стран. Мотивируя это страхом ликвидации частной собственности большевистским Советским Союзом, правительства Эстонии, Латвии и Литвы возложили все свои надежды на нацистскую Германию, как наиболее мощного оппонента большевизма».¹¹⁰ Немецкий дипломат, начальник IV отдела МИД Германии В. фон Гундхер 6 июня 1939 г. в своей служебной записке, подчеркнув, что Берлин и Таллин связывают дружеские отношения даже в военной сфере, указывал на источник прогерманского «вдохновения» и латвийской дипломатии: «Под влиянием возросшей мощи Великой Германии примерно год назад Латвия также изменила свое отношение к Германии и сегодня проводит настоящую политику нейтралитета».¹¹¹

Скупая встречная лесть в адрес эстонской и латвийской дипломатий (за их выверенный с Берлином антисоветский «общий знаменатель») имела и оборотную сторону в отношении литовских соседей Германии – шантаж. 20 марта 1939 г. Германия потребовала от Литвы передать ей Клайпеду (Мемель) с прилегающей территорией. Шантаж увенчался успехом; 22 марта был подписан германо-литовский договор о передаче Клайпеды Рейху, согласно которому стороны брали на себя обязательство о неприменении силы друг против друга. Захват Клайпеды сопровождался демонстрацией военно-морской мощи Германии; Гитлер на линкоре «Дойчланд» отправился из Свиномюнде в Мемель, чтобы лично с триумфом посе-

¹⁰⁷ См.: Ilmjärvi M. Hääletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus 1920. Aastate keskpaigast anneksioonini. Tallinn: Argo, 2004; Ильмярв М. Безмолвная капитуляция: Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). Пер. с эст. М., 2012.

¹⁰⁸ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: ТОО «Гей», 1996. С. 114–117; Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 114; Судоплатов П. А. Победа в тайной войне. 1941–1945 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 106–115.

¹⁰⁹ Цит. по: Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A. Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945). Rīga, 2008. 17. lpp.

¹¹⁰ Ильмярв М. Балтийские страны в 1939–1940 гг.: замыслы и возможности // Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 276.

¹¹¹ Цит. по: Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A. Latvija Otrajā pasaules karā... 17. lpp.

тить отнятый у Литвы город. Правительства Великобритании и Франции не оказали противодействия Берлину, хотя и относились к числу участников подписанной в 1924 г. в Париже конвенции, признававшей Клайпедский край составной частью Литвы.¹¹²

20 апреля 1939 г. в торжествах, посвященных 50-летию Гитлера, приняли участие не только начальник Генштаба эстонской армии генерал Н. Резк, но и начальник штаба латвийской армии М. Хартманис, а также генерал О. Данкерс, получившие награду из рук фюрера. В ответ на «пряник» в виде торговых и военно-технических контрактов Берлин получил заверения от латвийского руководства о ненаправленности союзнических обязательств Риги и Таллина против Рейха; оно также организовало 22 мая 1939 г. помпезное празднование 20-летия «освобождения Риги от большевиков» (изгнания из столицы правительства Советской Латвии во главе с П. Стучкой) с участием внушительной делегации из Германии, включая не только ветеранов воевавшего с большевиками ландесвера, но и «парадные» подразделения СС. Как отмечал латвийский политик и публицист М. Вульфсон, *«по существу, это был вызов не только большинству антигермански настроенного населения Латвии, но и западным союзникам»*.¹¹³ Добавим к этому, что и Советскому Союзу – в первую очередь.

В этих условиях Советский Союз вновь попытался обеспечить международные гарантии Прибалтике при помощи соглашения с Лондоном и Парижем. Москва дважды, в апреле и мае 1939 г.,¹¹⁴ предлагала западным великим державам предоставить совместные гарантии Латвии, Эстонии и Финляндии, однако безуспешно. Современный анализ планов нацистов не оставляет сомнений в обоснованности опасений советской стороны по поводу ничем не обеспеченного и поддающегося Берлину прибалтийского «нейтралитета». Так, российский историк Александр Дюков отмечает: *«Сегодня мы знаем то, чего не знали участники событий: в Берлине как раз в это время обсуждался вопрос об экспансии на прибалтийском направлении. В утвержденной 11 апреля Гитлером “Директиве о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.” указывалось, что после разгрома Польши Германия должна взять под свой контроль Латвию и Литву: “Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи”*».¹¹⁵

На этом фоне попытка Финляндии (наряду со Швецией) добиться в Совете Лиги Наций отмены демилитаризации Аландских островов, режим которой был установлен соответствующей конвенцией 1921 г., была воспринята Кремлем как грубая попытка финнов подыграть Гитлеру на Балтике и создать дополнительную угрозу безопасности СССР, способную также косвенно повлиять на настроения эстонской и латышской элит. И хотя по итогам столкновения дипломатических позиций в Лиге Наций положения указанной конвенции остались в силе, реваншистский зондаж Хельсинки, его неуступчивость в переговорах с Москвой по данному и смежным вопросам, проходивших с декабря 1938 г. по апрель 1939 г., сгущали атмосферу взаимного недоверия и создавали дополнительные предпосылки для будущего военного столкновения.¹¹⁶

Переговоры СССР с Англией и Францией все еще шли, когда 7 июня 1939 г. в Берлине в торжественной обстановке В. Мунтерс и К. Сельтер подписали с И. Риббентропом пакты

¹¹² Наумов А. О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 370.

¹¹³ Вульфсон М. 100 дней, которые разрушили мир: Из истории тайной дипломатии. 1939–1940. Рига, 2001. С. 69.

¹¹⁴ Год кризиса 1938–1939: Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. С. 453–459.

¹¹⁵ Дюков А. Р. «Пакт Молотова – Риббентропа» в вопросах и ответах / Фонд «Историческая память», М., 2009. С. 48.

¹¹⁶ См.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. С. 368–369; Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1998. С. 87.

о ненападении на 10 лет. Латвийскую и эстонскую делегации ждал радушный прием с участием рейхсфюрера СС Г. Гиммлера и начальника штаба «штурмовиков» СА В. Лутце.

Современные исследователи задаются вопросом, сопровождалась ли пакты Риббентропа – Мунтерса и Риббентропа – Сельтера секретными договоренностями, и если это так, то были ли они как-то оформлены? М. Ильмярв в этой связи ссылается на внутренний меморандум Г. Дертингера (немецкая Служба новостей для заграницы) от 8 июня 1939 г., в котором говорится о том, что Эстония и Латвия согласились с тайной статьей, требовавшей от обеих стран координировать с Германией все оборонительные меры против СССР. В меморандуме также указывалось, что Эстония и Латвия были предупреждены о необходимости умного применения их политики нейтралитета, требовавшей развертывания всех оборонительных сил против «советской угрозы».¹¹⁷

Латышские историки осторожно подмечают «двойное дно» этих соглашений с немцами: *«Германия продемонстрировала способность, сохранив формально-юридический подход в межгосударственных отношениях, использовать позицию латвийского внешнеполитического ведомства в своих нуждах. Быть может, уже тогда нацистская Германия взвешивала возможности использовать договоры о ненападении с Балтийскими странами для размена на что-нибудь более важное»*.¹¹⁸

В латвийской русскоязычной публицистике оценки этих событий и их последствий более жесткие и нелюбезные: *«“Пакты с дьяволом” показали отрицательное отношение Латвии и Эстонии к перекрестным военным гарантиям Англии, Франции и СССР, переговоры между которыми шли в Москве. Они изолировали две страны Балтии от вероятного союзника Польши. А Гитлер, быстренько все переиграв, списал две страны как расходный материал. Так что документ, 70 лет назад казавшийся Улманису виртуозным, в очень скором времени привел к бесславной сдаче государственной независимости Латвии. И не будем забывать и поныне, что первым все-таки Риббентропу пожал руку Мунтерс, а не Молотов»*.¹¹⁹

Следует отметить, что сами германско-прибалтийские пакты и обстоятельства их подписания были сильным элементом давления Гитлера и Риббентропа на советское руководство, хотя вопрос о полноте осведомленности Москвы относительно тайных договоренностей остается открытым.¹²⁰ *«Эстония и Латвия подписали с Германией пакты о ненападении, – писал впоследствии Уинстон Черчилль. – Таким образом, Гитлеру удалось без труда проникнуть вглубь слабой обороны запоздалой и нерешительной коалиции, направленной против него»*.¹²¹ Вскоре официальный Таллин уведомил Лондон о том, что Эстония будет рассматривать «автоматическую помощь» как недружественный акт. Более того, 19 июня 1939 г. посол Эстонии в Москве А. Рэй на встрече с британскими дипломатами заявил, что помощь СССР заставит Эстонию выступить на стороне Германии.¹²²

Громкими заявлениями дело не ограничилось; уже 26–29 июня 1939 г. Эстонию посетил начальник Генштаба сухопутных войск Германии генерал-лейтенант Ф. Гальдер. Его интересовало не столько состояние войск Эстонии, столько получаемые с эстонского разве-

¹¹⁷ Ilmjärvi M. Hääletu alistumine... lk. 558.

¹¹⁸ 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. 700. lpp.

¹¹⁹ Кабанов Н. Рукопожатие с Гитлером. Латвийско-германский пакт о ненападении: забытая страница истории // Вести сегодня, 28 мая 2009 г.

¹²⁰ В опубликованных материалах из ведомственного архива советской разведки содержатся различные фрагментарные сведения о германском влиянии в правящих кругах Латвии, контактах с немцами, усилении экономической зависимости этой страны от Германии, однако данных, подтверждающих знакомство Москвы с деталями пактов Риббентропа – Мунтерса и Риббентропа – Сельтера от 7 июня 1939 г., представлено не было. См.: Прибалтика и геополитика... С. 90–106.

¹²¹ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1997. Т. 1. С. 181.

¹²² Дюков А. Р. «Пакт Молотова – Риббентропа» в вопросах и ответах / Фонд «Историческая память», М., 2009. С. 47–52, 133–138.

дывательного плацдарма данные о мобилизационных возможностях СССР и т. п. В те же дни абвер, заручившись поддержкой диктатора К. Пятса и генерала Й. Лайдонера, ввел при Генштабе эстонской армии должность «офицера связи», утвердив в ней фрегатен-капитана А. Целлариуса, занявшего и аналогичный пост в Хельсинки. В июле 1939 г. А. Целлариус при поддержке финнов создал «Военную организацию Финляндия» (КОФ), более известную как «Бюро Целлариуса». Эта группа сконцентрировала свои усилия на сборе разведывательных сведений о Ленинградском военном округе, а в дальнейшем и о советских войсках на территории Эстонии.¹²³ 18 июля 1939 г. в Эстонию прибыл руководитель абвера адмирал В. Канарис в сопровождении начальников управления «Абвер-І» (разведка) Г. Пикенброка и управления «Абвер-Ш» (контрразведка) Ф. Бентивеньи.

«Суть дилеммы, перед которой оказалась Москва, заключалась в том, что сохранение ее позиций в регионе становилось отныне возможным лишь посредством войны с Германией или путем достижения соглашения с ней»,¹²⁴ — отмечают российские историки Олег Кан и Александр Рупасов. В условиях отсутствия надлежащих англо-франко-советских договоренностей о совместном противостоянии германской агрессии советское руководство пошло на сближение с Гитлером, который был заинтересован в нейтралитете СССР при нападении на Польшу и мог позволить себе временно пожертвовать своими претензиями на Прибалтику (в первоначальном варианте — кроме Литвы и левобережья Западной Двины в Латвии). Ради этого фюрер был готов временно очертить на карте линию, за которую притязания Германии якобы не распространяются. И. Сталин принял решение заключить советско-германский договор о ненападении с секретными дополнительными протоколами от 23 августа 1939 г. (подписан в ночь на 24 августа председателем СНК, народным комиссаром иностранных дел В. Молотовым и министром иностранных дел Германии И. фон Риббентропом).

* * *

Накануне неизбежного драматического столкновения СССР и Германии, отсроченного в августе-сентябре 1939 г., Прибалтика оказалась в советской «сфере интересов», что на практике означало готовность СССР настоять на заключении со странами региона договоров о взаимопомощи для охраны их границ наряду со своими, с использованием ограниченных контингентов РККА и КБФ. Первоначально секретные договоренности были достигнуты в следующей формулировке: *«В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами».*¹²⁵

После достижения советско-германских договоренностей, включавших в себя распределение зон влияния в Прибалтике, и начала Второй мировой войны одним из аспектов «размежевания» в регионе стал «вопрос балтийских немцев». Сталинское руководство считало важным маркером соблюдения Берлином секретных договоренностей его активность по эвакуации немецкой диаспоры из Эстонии и Латвии. В среде балтийских немцев были сильны симпатии к национал-социалистам, действовала разветвленная сеть организаций, связанных с НСДАП, германской военной и политической разведкой. Как отмечается в современной латышской историографии, под контролем или сильным воздействием наци-

¹²³ Барков Л. В дебрях абвера. Таллин, 1971. С. 26–27, 31–32, 48.

¹²⁴ Кен О., Рупасов А. Москва и страны Балтии: Опыт взаимоотношений, 1917–1939 гг. // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002. С. 86.

¹²⁵ Международная жизнь. 1989. № 9.

стов находились «Балтийское братство», «Балтийское объединение», «Немецкое культурное общество», «Народное объединение балтийских немцев в Латвии». Большое влияние на воспитание молодежи немецкого происхождения и распространение нацистской пропаганды оказывала группа адвоката Э. Крёгера, который лично участвовал в слетах НСДАП в Германии и сотрудничал с немецкими спецслужбами.¹²⁶ Латвийское руководство в конце 1930-х гг. занимало противоречивую позицию в отношении активности балтийских немцев: с одной стороны, ставилась задача по снижению их влияния на общество и экономику страны (при этом Полит управление внимательно следило за умонастроениями в местной немецкой среде), с другой стороны, реальных действий по преследованию пронацистских организаций и агитаторов не велось из-за опасений «внешнеполитических осложнений».¹²⁷

В воспоминаниях левого социал-демократа Яниса Гринвалдса ярко запечатлена картина засилья нацистов: *«Покою мне не давали увиденные летом 1939 г. немецкие демонстрации на Рижском взморье. В воскресное послеобеденное время прямо вдоль берега, вопреки запрету автомашинам ездить по пляжу, мимо нас проехали несколько германских машин со свастиками. Местные немцы бесновались в восторге, крича – хайль, хайль, Гитлер, хайль! Обнимались со слезами на глазах – слезами радости. Это было жуткое предостережение нам. Гитлер готовился прийти, и его ждали – больше чем верующие своего мессию. Мы не могли так спокойно ждать, как улманисовская клика. Наши собственные силы здесь не позволяли играть значительную роль. Надежды на спасение мы ожидали от Москвы»*.¹²⁸

Встречные ожидания «еврейско-коммунистического террора» в отношении балтийских немцев, рассчитывавших на скорый приход нацистских войск, стали одним из поводов для решения Гитлера о репатриации. Другие мотивы были связаны с потребностями укрепления военно-экономического потенциала Рейха за счет «арийских» переселенцев, освоения захваченных земель на западе Польши и нежелания оставлять «своих» в странах, где сворачивалась зона влияния Германии в соответствии с секретным протоколом пакта Молотова – Риббентропа.

28 сентября 1939 г. в Москве Риббентроп среди прочего подписал особый протокол, в котором содержались обязательства советской стороны не препятствовать выезду в Германию граждан Рейха и лиц немецкого происхождения с территорий советской сферы интересов, а также вывозу их имущества. Берлин, в свою очередь, брал на себя подобные обязательства в отношении украинцев и белорусов, оказавшихся в зоне германского контроля.

Латвийские историки считают, что этот протокол не имеет прецедента в истории международных отношений – два диктатора, Сталин и Гитлер, в качестве объекта секретных договоренностей рассматривали граждан, проживавших в других суверенных государствах.¹²⁹ Однако примеров договоренностей относительно граждан третьих стран хватает и в современном Европейском Союзе (от закрытых списков стран, граждане которых подлежат особому контролю при выдаче виз и въезде в Шенгенскую зону, до условий введения «голубой карты» – аналога американской «гринкарты»). Трагизм ситуации 70-летней давности заключался в том, что никакой добровольности переселения в действительности не было.

Официальная Рига и не думала возражать Гитлеру в этом вопросе, подписав 30 октября с Германией межправительственный договор, ставший юридической базой для «одноразовой акции» переселения немцев, в результате которого эта этническая группа с определенным статусом должна была перестать существовать в Латвии. Официальная Рига была

¹²⁶ См.: 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. 606. lpp.

¹²⁷ Там же, 607. lpp.

¹²⁸ Grīnvalds D. «Kā es redzēju tās lietas»: Mana tēva Jāņa Grīnvalda dienasgrāmata. 1940–1945. Rīga, 2002. 54. lpp.

¹²⁹ См.: Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A. Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945). Rīga, 2008. 134. lpp; Feldmanis I. Vācbaltiešu izceļošana no Latvijas (1939–1941). Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012.

готова пойти на существенное увеличение внешнего долга перед Германией, потребовавшей компенсации за оставляемое имущество (до июня 1940 г. Латвия успела выплатить 24,9 млн латов из общего долга в более чем 100 млн латов).¹³⁰ При этом правительство Улманиса фактически субсидировало германские военные нужды, так как в виде компенсаций переселенцам Берлин цинично раздавал конфискованное у поляков и евреев имущество, а не латвийские деньги.

К. Улманис лично пожелал переселенцам покинуть Латвию «безвозвратно»,¹³¹ а его чиновники следили за тем, чтобы немцы не брали с собой драгоценностей и «лишних вещей», а также упростили процедуру расторжения брака. В прессе развернулась широкая пропагандистская кампания в поддержку исхода балтийских немцев, однако многие из них вовсе не хотели покидать родные места. В ход шли уговоры и угрозы, как со стороны нацистских уполномоченных, так и местных властей. Балтийские немцы, упорствовавшие в желании до конца жизни связать свою судьбу с Латвией, рисковали остаться без работы, имущества и оказаться вне закона.

Предусматривалось, что проводившаяся морским путем эвакуация немецкой общины завершится к 15 декабря 1939 г., однако отъезд продолжался до весны 1941 г. К середине апреля 1940 г. от латвийского гражданства отказалось свыше 53 тыс. человек.¹³² Среди них было и около 900 латышей, имевших немецких родственников, хотя в целом латвийские власти препятствовали бегству представителей «основной нации», аннулируя заграничные паспорта.¹³³

* * *

С началом агрессии Германии против Польши 1 сентября 1939 г. прибалтийские страны были озабочены своим положением и поспешили еще раз объявить о своем нейтралитете. Наиболее крутой дипломатический вираж в отношении Польши продемонстрировала официальная Рига: от поздравления Варшавы с ее участием в разделе Чехословакии накануне начала войны – в надежде на то, что поляки не выдвинут претензий на юго-восточные районы Латвии, – до спешного и «громкого» закрытия польского посольства в сентябре 1939 г., вопреки протестам Лондона, Парижа и польского эмигрантского правительства. Таллин и Каунас предпочли закрыть польские диппредставительства без каких-либо заявлений. Польские военные, переходившие латвийскую границу, интернировались; в стране также смогли найти укрытие беженцы.

16 сентября 1939 г. во французском диппредставительстве в Риге начали жечь архивы, возникли трудности с эвакуацией французских граждан, так как «в Балтии хозяйкой положения является Германия». При этом рассматривались различные маршруты эвакуации дипработников: военный атташат планировал направиться на автомашинах в Нарву, а оттуда – в худшем случае пешком в Ленинград; посол Ж. Трипье надеялся зафрахтовать у контрабандистов рыболовецкий корабль, чтобы он подобрал беглецов в Таллине и переправил их в Финляндию. При этом замглавы дипмиссии Ж. де Босс всерьез опасался милитаристских жестов Парижа в адрес Москвы в связи с вторжением советских войск в восточные районы Польши: эвакуация из Риги возможна, *«если мы не объявим войну России; тогда любой путь отступления для нас будет закрыт»*. Посол Ж. Трипье в этой связи просил Париж

¹³⁰ Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A. *Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945)*. Rīga, 2008. 136. lpp.

¹³¹ Jaunākās Ziņas. 13 октября 1939 г.

¹³² 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. 626. lpp.

¹³³ Šilde Ā. *Latvijas vēsture. 1914–1940*. Stokholma, 1976. 679. lpp.

задержать в качестве заложников 72 гражданина СССР.¹³⁴ Оставался еще воздушный путь до Стокгольма, от которого французские дипломаты отказывались по соображениям безопасности. Им также стало известно об одном свидетельстве мер контроля Германии над Латвией даже после появления там советских военных баз в октябре 1939 г.: немцы затребовали от шведской авиакомпании списки пассажиров на предварительное согласование в германском посольстве в Риге.¹³⁵

Литва надеялась на возвращение Вильнюса, но не предпринимала самостоятельных усилий. Тем временем Берлин к 20 сентября 1939 г. разработал проект под названием «Основные принципы договора об обороне между Германией и Литвой», по которому Литовское государство обязано было «отдать себя под опеку Германского рейха». В военном аспекте этот проект предполагал, что «численность, дислокация и вооружения литовской армии должны быть регулярно устанавливаемы при полном согласии Верховного командования вермахта».¹³⁶

25 сентября А. Гитлер утвердил директиву № 4 о сосредоточении войск вермахта в Восточной Пруссии для вступления в пределы Литвы. В этой связи российский военный историк Сергей Ковалев отмечает: «Их вступление на литовскую территорию представляло опасность для группировки войск Красной армии в Западной Белоруссии, так как в случае эскалации военного противостояния давало вермахту возможность нанести по советским войскам фланговый удар с севера, а с юга – беспрепятственно пройти на территорию Латвии и Эстонии. Эту опасность увеличивала готовность эстонского руководства к военному сотрудничеству с Германией. Чтобы предотвратить такое развитие событий, требовались решительные меры».¹³⁷

Действительно, в связи с началом войны и возможными угрозами Советский Союз предпринял ряд мер по мобилизации и развертыванию сил в регионе. Так, 8 сентября 1939 г. приказом наркома ВМФ сроком на месяц были задержаны 2193 младших командира и краснофлотца, подлежащих увольнению осенью 1939 г. В течение месяца на учебные сборы в КБФ было призвано более 20 тыс. военнотружеников запаса. Факт бегства в ночь на 18 сентября из Таллина интернированной польской подводной лодки «Ожел» руководство СССР восприняло с тревогой (в Наркомате ВМФ допускали возможность задействования скрывшейся субмарины в борьбе с советским судоходством в связи со вступлением 17 сентября Красной армии на территорию Восточной Польши – Западной Белоруссии и Западной Украины)¹³⁸ и решило использовать его для дальнейшего наращивания военного присутствия СССР в Финском заливе и политического нажима на Эстонию с целью создания надежной системы безопасности на Балтике.

На сухопутных границах с Эстонией и Латвией советское руководство также сосредотачивало группировку войск: в Ленинградском военном округе (ЛВО) разворачивались Отдельный Кингисеппский стрелковый корпус и 8-я армия, в Калининском военном округе – 7-я армия. На Белорусском фронте у границ Литвы готовилась к активным действиям 3-я армия (общая численность личного состава трех армий и стрелкового корпуса на 28 сентября – 6 октября 1939 г. достигала 437 тыс. человек, танков – 3052, артиллерийских орудий – 3635 единиц). Директива Наркомата обороны СССР № 043/оп от 26 сентября 1939 г. требовала от штаба ЛВО, у которого в оперативном подчинении с 15 сентября находилась и

¹³⁴ Boss de Ž. Franču diplomāta piezīmes Latvijā. 1939–1940. Rīga, 1997. 15., 16., 19. lpp.

¹³⁵ Там же, 54. lpp.

¹³⁶ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 – август 1940 гг. М.: Международные отношения, 1990. С. 52.

¹³⁷ Ковалев С. Н. СССР и Прибалтика: нейтралитет и договоры о взаимопомощи 1939 года // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 35.

¹³⁸ Чирва Е. В. Подводная война на Балтике. 1939–1945. М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 7–8.

7-я армия, «немедленно приступить к сосредоточению сил на эстонско-латвийской границе и закончить таковое 29 сентября».¹³⁹ В свою очередь, эстонская сторона завершила предмобилизационные приготовления к 27 сентября; Латвия демонстративных мер подготовки к войне в целом избегала.

Если совокупный мобилизационный ресурс личного состава армий прибалтийских государств достигал внушительных размеров (годные к службе – 876 тыс., военнообученные – 565 тыс., расчетная численность армий военного времени – 427 тыс., военизированные отряды – 140–170 тыс. человек), то их военно-техническая оснащенность была явно недостаточной для самостоятельного ведения боевых действий в современных условиях (винтовки – около 428 тыс. штук, артиллерийских орудий – 1546, танков и бронемашин – 136 единиц).¹⁴⁰ Советской разведкой, в т. ч. разведотделом КБФ, боевая подготовка и огневая мощь войск Эстонии и Латвии, состояние береговой обороны, развитие авиации и средств связи оценивались в 1939 г. как весьма слабые; более высокий уровень отмечался в развитии и взаимодействии ВМС двух стран в районах Рижского залива, Моонзунда и устья Финского залива.¹⁴¹

Однако военный сценарий не был задействован напрямую, уступив место дипломатическому, предполагавшему как договоренности с Берлином о распространении сферы советских интересов на Литву (закреплены в секретном протоколе к Договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.), так и вынужденное получение согласия прибалтийских стран на размещение у себя советских военных баз. Военный разгром Польши в сентябре 1939 г. и установление непосредственных границ между СССР и Германией кардинально изменили подходы советского руководства к оценке и обеспечению гарантий военной безопасности в Прибалтике: теперь планка минимальных требований Москвы к Балтийским странам повышалась до размещения в договорном порядке на их территории и акватории ограниченного контингента советских сухопутных, морских и военно-воздушных сил для отпора намечавшейся германской агрессии. Как справедливо отмечают современные российские военные историки, в частности С. Н. Ковалев, «переговоры проходили сложно, а обстановка требовала незамедлительных мер».¹⁴² В этой связи яркой иллюстрацией намерений СССР служит заявление В. Молотова министру иностранных дел Эстонии К. Сельтеру от 24 сентября 1939 г. *«Договор с Германией имеет определенный срок действия, – сказал он. – Так что ни мы, ни Германия не сложили оружия»*.¹⁴³ Следовательно, *«Советскому Союзу требуется расширение системы своей безопасности, для чего ему необходим выход в Балтийское море»*.¹⁴⁴

После интенсивных и тяжелых переговоров в Москве были подписаны пакты о взаимопомощи СССР с Эстонией 28 сентября 1939 г., с Латвией – 5 октября и с Литвой – 10 октября (последний именовался: «О передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимоотношении между Советским Союзом и Литвой»). Пакты сопровождались торговыми соглашениями, позволявшими прибалтийским странам получить рынок

¹³⁹ Подробнее см.: Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М., 2014. С. 33–79.

¹⁴⁰ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 358.

¹⁴¹ См.: Гайдук А. А. Оценка Вооруженных сил Латвии разведотделом КБФ СССР в 1939 году // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2010. № 2. С. 60–71; Гайдук А. А. Оценка Вооруженных сил Эстонии разведотделом КБФ СССР в 1939 году // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 46–62.

¹⁴² Ковалев С. Н. СССР и Прибалтика... С. 35.

¹⁴³ На чаше весов: Эстония и Советский Союз. 1940 год и его последствия / Сост. П. Варес, О. Журьяри. Таллин: Евроуниверситет, 1999. С. 25.

¹⁴⁴ См.: От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы / Сост. К. Арьякас. Таллин: Периодика, 1989. С. 135, 137–140.

сбыта сельхозпродукции в СССР и восполнить товарно-сырьевые потери, вызванные острым дефицитом импорта из-за начавшейся войны в Европе.

Благодаря договорам о взаимопомощи СССР получил право разместить свои военно-морские базы на стратегически доминирующих в Рижском и Финском заливах эстонских островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в городе Палдиски (Балтийский порт), а также в незамерзающих латвийских портах Лиепая (Либава) и Вентспилс (Виндава). Конфиденциальные протоколы к договорам устанавливали предельный лимит на размещение гарнизонов наземных и воздушных сил СССР (в Эстонии и Латвии – по 25 тыс., в Литве – 20 тыс. человек),¹⁴⁵ отражавший компромисс между изначальными требованиями советских переговорщиков и возражениями прибалтийских делегаций.

Соотношение численности личного состава эстонской, латвийской и литовской армий (без мобилизационного ресурса и военизированных формирований) с контингентами советских войск в целом составило примерно 73 тыс. человек (соответственно, около 20 тыс., 25 тыс. и 28 тыс.)¹⁴⁶ к 61,7 тыс. (21,3 тыс. в 65-м Особом стрелковом корпусе (ОСК) и Особой группе ВВС (Эстония), 21,6 тыс. во 2-м ОСК и 18-й авиабригаде (Латвия) и 18,8 тыс. в 16-м ОСК, 10-м истребительном и 31-м среднебомбардировочном полках (Литва)).¹⁴⁷ Войска получили строгие инструкции не вмешиваться во внутреннюю жизнь прибалтийских государств, избегать провокаций. Однако практическая реализация договоренностей была сопряжена с множеством проволочек и сложностей, касавшихся вопросов аренды, строительства, военных перевозок и т. п., переговоры по преодолению которых велись вплоть до июня 1940 г.

Следует отметить, что существовавшие в Латвии планы обороны («А», «D» и «К») предполагали защиту от нападения со стороны СССР, Германии или с двух сторон сразу, при этом восточное направление считалось главным. В Москве воспринимали латвийскую угрозу только в качестве возможного сателлита Германии, Италии или союзника Польши, Финляндии, территория и военная сила которого (до 4 дивизий) может быть задействована в наступлении на Ленинград, Псков, Новгород. После ввода в Латвию по договору от 5 октября 1939 г. ограниченного контингента войск Красной армии в латвийском Генштабе также разрабатывались варианты блокирования и уничтожения советских военных баз.

В данном контексте стоит напомнить, что 10 февраля 1940 г. К. Улманис выступил по радио с заявлением о том, что скоро может настать тяжелый момент, когда *«от каждого сельского дома одному человеку придется надеть униформу»*.¹⁴⁸ 22 февраля правительство Латвии увеличило обязательную срочную воинскую службу до полутора лет, до дальнейшего распоряжения отменялись отпуска у инструкторов (младший командный состав).

Неспособность режима Улманиса адекватно реагировать на внешние вызовы и внутреннюю проблему существенно усиливала леворадикальные протестные настроения в обществе. Отмечали надвигающуюся грозу и западные дипломаты. В дневнике заместителя главы французской миссии в Риге Ж. де Босса встречаются такие записи: *«Много говорят о коммунистической пропаганде в Латгалии, где с известного времени наблюдается выраженная тенденция к автономии»* (23 сентября 1939 г.); в Московском предместье Риги *«работники требуют прихода русских и смены государственного строя»* (29 сентября); во время демонстрации в рижских кинотеатрах фильма «Александр Невский» эпизоды с разбитыми

¹⁴⁵ См.: Полпреды сообщают... С. 62–69, 84–88, 92–98.

¹⁴⁶ Ковалев С. Н. СССР и Прибалтика... С. 36.

¹⁴⁷ Подробнее о численности советских гарнизонов в странах Прибалтики см.: Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 99–131, 230–248.

¹⁴⁸ Brīvā Zeme, 12 февраля 1940 г.

тевтонами сопровождалась бурными аплодисментами (23 ноября).¹⁴⁹ В апреле 1940 г. в Латвии прокатилась волна арестов активистов левого подполья.

Разумеется, размещение советских войск в Эстонии, Латвии и Литве вызвало далеко не у всех в этих странах восторженные оценки, но их официальные представители, в том числе и в своем узком кругу, вынуждены были признавать корректность поведения советской стороны и определенные выгоды от размещения баз. Так, литовский посланник в Германии К. Шкирпа в беседе с советским диппредставителем в Берлине А. Шкварцевым заявил, что «размещение русских войск в Литве произошло совершенно безукоризненно». Схожие позиции, судя по докладу литовского посланника во Франции П. Климаса главе МИД Литвы Ю. Урбшису, высказывались и на закрытом совещании послов прибалтийских стран 28 ноября 1939 г. в Париже: *«Русские гарнизоны не вызвали никаких недоразумений и не создали каких-либо затруднений. Кроме того, советские войска в Эстонии платят за товары английскими фунтами или долларами, а это положительно сказывается на финансах в то время, когда в стране не хватает валюты. У латышши также нет никаких неблагоприятных известий о русских»*.¹⁵⁰

При этом за дружественными улыбками властей прибалтийских стран в адрес СССР пряталось их желание как-то оправдаться перед Западом за тесное сотрудничество с большевистской Москвой, а также стремление выискивать формальные поводы для блокирования строительства военных объектов РККА и КБФ на отведенной территории. Об этом, например, свидетельствует проект литовской «Инструкции послам по поводу Московского договора» от 2 ноября 1939 г.: *«Было бы невыгодно, если бы за рубежом сложилось мнение, что Литва охотно приняла Московский договор и считает его нормальным или даже полезным для нее событием... С Россией приходится вести себя... предоставляя максимум формального содержания подписанным положениям пакта»*.¹⁵¹

Одними дипломатическими кознями и проволочками саботирование договоренностей с Москвой вовсе не ограничивалось. Так, после ввода в Латвию по договору от 5 октября 1939 г. гарнизонов войск Красной армии в латвийском Генштабе разрабатывались варианты блокирования и уничтожения советских военных баз, перекрытия прибрежных районов Рижского залива¹⁵² (не особенно реалистичные). Следует отметить, что подобный вариант развития событий обсуждался И. Сталиным и в ходе переговоров с главой МИД Эстонии К. Сельтером 28 сентября 1939 г.: *«Не должно быть слишком мало войск, – объяснял Сталин эстонскому министру. – Окружите и уничтожьте»*.¹⁵³ При этом эстонцы не очень доверяли боеспособности латвийской армии и тайно планировали свою линию обороны глубиной до 60 км на латвийской территории, фактически допуская ее превентивную (встречную) оккупацию.¹⁵⁴

В конце 1939 г. латвийская и эстонская верхушка сохраняли конфиденциальные контакты с нацистами. Например, в ноябре состоялась встреча латвийского командующего К. Беркиса и начальника штаба армии Х. Розенштейнса с руководителем эстонского и финского отделов абвера А. Целлариусом.¹⁵⁵ Вопреки советско-латвийскому договору о взаимопомощи отдел радиоразведки латвийской армии в ходе советско-финской «зимней

¹⁴⁹ Boss de Ž. Franču diplomāta piezīmes Latvijā. 1939–1940. Rīga, 1997. 17., 18., 43. lpp.

¹⁵⁰ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Вильнюс, 2006. Т. 1. С. 364.

¹⁵¹ Там же. С. 339, 341.

¹⁵² См., например: Кабанов Н. Н. Генерал и его план. Можно ли было защитить Ригу от удара с моря в 1939 году? // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 34–38.

¹⁵³ От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы / Сост. К. Арьякас. Таллин, 1989. С. 184.

¹⁵⁴ Rislaki J. Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonena. Rīga, 2004. 129., 131. lpp.

¹⁵⁵ Там же. 138. lpp.

войны» (ноябрь 1939 г. – март 1940 г.) оказывал практическую помощь финской стороне, переправляя перехваченные радиogramмы советских воинских частей.¹⁵⁶ Этому способствовал и неоправдавшийся расчет прибалтийских военных на британское и французское или германское вмешательство в войну против СССР.

Сегодня среди балтийских историков можно встретить утверждения о «незаконности» договоров о взаимопомощи СССР с Эстонией, Латвией и Литвой, с подписанием которых якобы началась «советская оккупация».¹⁵⁷ Однако об их соответствии нормам международного права свидетельствует тот факт, что эти пакты по просьбе глав МИД прибалтийских стран были зарегистрированы в Лиге Наций.¹⁵⁸ *«Хотя и под давлением, правительства стран Балтии все же согласились с условиями договоров о взаимопомощи, – пишет эстонский юрист Лаури Мялксон. – Эти договоры применялись на практике более чем полгода, поэтому говорить об их недействительности задним числом было бы фикцией. Кроме того, в то время доминировало мнение юристов... согласно которому заключенные под принуждением договоры не были автоматически недействительными».*¹⁵⁹

Важно отметить, что понимание советским политическим и военным руководством ключевых стратегических задач в регионе с позиций осени 1939 г., в том числе значимость развертывания воинских контингентов в Прибалтике, нашло отражение в приказе НКО СССР от 7 ноября 1939 г. № 199. В этом документе акцентировалось внимание командования и личного состава на следующем важном аспекте: *«Договоры Советского Союза с Эстонией, Латвией и Литвой являются прочной основой для мира в восточной половине Балтийского моря и в Восточной Европе».*¹⁶⁰

В целом у руководства стран Прибалтики в конце 1939-го – начале 1940 г. сохранялись иллюзии дальнейшего балансирования между воюющими сторонами (нацистской Германией и англо-французской коалицией) и Советским Союзом, опасавшимся быть втянутым в мировую войну в невыгодных условиях, в том числе геополитических – на Балтике. Была предпринята также попытка оживить деятельность Балтийской Антанты путем проведения как секретных консультаций политического и военного характера, так и с помощью более формализованных координационных мероприятий – конференций 7–8 декабря 1939 г. и 14–16 марта 1940 г.

Такая активность прибалтов дала повод Москве заподозрить тайное присоединение Литвы к эстонско-латвийскому военному союзу, изначально имевшему антисоветский рефрен, однако сохранившемуся и после подписания договоров о взаимопомощи с Советским Союзом. Но в мае-июне 1940 г. ситуация в корне поменялась. Российский историк Елена Зубкова в этой связи отмечает: *«После того, как Германия захватила Норвегию и Данию и взялась за Францию, Сталин решил, что пришла пора действовать. С учетом изменившегося баланса сил в пользу Германии договоры о взаимопомощи с балтийскими странами казались слишком ненадежной гарантией, чтобы обеспечить военно-стратегические интересы СССР в Прибалтике, на самой границе с Восточной Пруссией».*¹⁶¹

¹⁵⁶ Scerbinskis V. Ziemas karš un Latvija 1939–1940 // Militārais apskats. 1999. Nr. 2. 92. – 94. lpp.

¹⁵⁷ См., например: Strods H. PSRS politiskā cenzūra Latvijā 1940–1990. Rīga, 2010. 14. lpp.

¹⁵⁸ Полпреды сообщают... С. 115, 161.

¹⁵⁹ Мялксон Л. Советская аннексия и государственный континуитет. Международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г.: Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Тарту, 2005. С. 123.

¹⁶⁰ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13. М.: Терра, 1994. С. 123.

¹⁶¹ Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль... С. 77.

Здесь есть и еще одна проблема. Возникло впечатление, что с разгромом Франции война в Европе скоро завершится, и тогда по букве советско-прибалтийских договоров войскам Красной армии придется вернуться домой.¹⁶²

* * *

Можно констатировать, что неискренность прибалтийской верхушки в соблюдении договоров с Советским Союзом была важным фактором, в сочетании с лавинообразным нарастанием нацистской угрозы побудившим Кремль оказать на эти страны жесткий нажим с целью смены там политических режимов и ввода дополнительных войск. Катастрофически быстрое поражение в июне 1940 г. Франции, считавшейся одним из столпов Версальского мира и самым серьезным военным противником Гитлера на Западе, не только не оставляло иллюзий о дальнейшем векторе нацистской агрессии, но и стало катализатором встречных геополитических изменений: в это «окно возможностей» успела уместиться смена власти в Прибалтике под давлением советского ультиматума и присоединение Латвии, Литвы и Эстонии к СССР.

На границах Прибалтики была сосредоточена советская военная группировка, основу которой составляли 3-я, 8-я и 11-я армии. Ее численность, с учетом развернутых в Литве, Латвии и Эстонии корпусов, достигала 541,7 тыс. человек; на вооружении имелось 7 158 артиллерийских орудий и минометов, 3938 танков, 720 бронемашин и 2516 самолетов.¹⁶³ 3 июня 1940 г. нарком обороны СССР С. К. Тимошенко «в целях объединения руководства войсками» выделил в свое непосредственное подчинение воинские контингенты РККА в Эстонии, Латвии и Литве из состава войск Ленинградского, Калининского и Белорусского военных округов.¹⁶⁴ 13 июня в войска поступила директива Политуправления РККА № 5258/сс от 10 июня, разъясняющая цели и задачи предстоящей операции, в которой отмечалось: *«Мы хотим обеспечить безопасность СССР, закрыть с моря на крепкий замок подступы к Ленинграду, нашим северо-западным границам. Через головы правящей в Эстонии, Латвии и Литве антинародной клики мы выполним наши исторические задачи и заодно поможем трудовому народу этих стран освободиться от эксплуататорской шайки капиталистов и помещиков»*.¹⁶⁵

14 июня 1940 г. советское правительство предъявило ультиматум Литве, а 16 июня – Латвии и Эстонии, в которых требовалось привести к власти дружественные Москве правительства и допустить на территорию этих государств новые контингенты советских войск. Требования под угрозой силы были приняты, сопротивления дополнительному вводу советских войск, проходившему 15–21 июня, оказано не было;¹⁶⁶ по прибалтийским городам прокатились массовые митинги в поддержку смены режимов. Власти, включая президентов К. Улманиса и К. Пятса, а также и. о. президента Литвы А. Меркиса, в целом сотрудничали с советскими представителями (А. Сметоне удалось бежать в Германию). С 21 июня управление 11-й армии разместилось в Каунасе, 3-й армии – в Риге, 11-й армии – в Тарту, при этом командованию по-прежнему запрещалось вмешиваться в политику.¹⁶⁷ Политическими

¹⁶² Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 192, 621.

¹⁶³ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 353.

¹⁶⁴ Полпреды сообщают... С. 339–340.

¹⁶⁵ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 353–356.

¹⁶⁶ См., например: Донгаров А. Г. СССР и Прибалтика (1939–1940 гг.) Дипломатические хроники и размышления. М., 2010. С. 139–141. Подробнее о подготовке и вводе советских войск в Прибалтику летом 1940 г. см.: Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 291–456.

¹⁶⁷ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 452.

асpekтами выполнения советских требований занялись специальные представители в статусе уполномоченных правительства СССР: В. Г. Деканозов (в Литве), А. Я. Вышинский (в Латвии) и А. А. Жданов (в Эстонии).

Несмотря на то, что в политически ангажированных оценках действий Кремля, звучащих из уст многих западных и прибалтийских официальных лиц, историков и публицистов, постоянно используется словосочетание «советская оккупация», оно не имеет под собой международно-правовых оснований: в июне 1940 г. на территории Литвы, Латвии и Эстонии не было ни военных действий враждующих армий, ни капитуляции, ни введения оккупационного режима; не последовало и нот протеста со стороны прибалтийских внешнеполитических ведомств или создания «правительств в изгнании».¹⁶⁸ Как отмечает российский исследователь Людмила Воробьева, в картину «оккупации» не вписывается и реакция населения: *«От восторженного и благожелательного отношения до настороженного и безразличного – в любом случае, какого-либо военного сопротивления или массового гражданского неповиновения летом 1940 г. не наблюдалось»*.¹⁶⁹

Во всех трех странах Прибалтики были сформированы дружественные СССР, но не коммунистические по своему составу правительства во главе с Ю. Палецкисом (Литва), А. Кирхенштейнсом (Латвия), И. Варесом-Барбарусом (Эстония). Министерские портфели достались в основном представителям научных кругов, журналистики и художественной элиты левого и левоцентристского направлений.¹⁷⁰ При этом президенты К. Улманис и К. Пятс сохраняли свои должности и подписывали правительственные декреты перед их вступлением в силу, а дипломатический корпус в прибалтийских столицах признавал легитимность новых кабинетов министров (дубайены и послы были представлены главам МИД трех стран).

«Народные правительства» предприняли меры по освобождению политзаключенных, снятию ряда запретов периода авторитарных диктатур, возвращению гражданства политэмигрантам, улучшению материального положения рабочих и служащих, либерализации общественной жизни. При этом были аннулированы военный договор с Эстонией и соглашение о Балтийской Антанте, распущены и частично разоружены военизированные организации, составлявшие опору прежних режимов (к 15 июля только в Латвии и Литве изъяты 36 214 винтовок и карабинов, 21 250 пистолетов, 47 легких и 17 станковых пулеметов, 2835 гранат и др.),¹⁷¹ отстранены от работы некоторые сотрудники репрессивных органов. В целом первые политические шаги новых правительств снискали определенную популярность, способствовали оживлению общественной активности.

Крайне малый срок, отведенный на избирательную кампанию по выборам в парламенты прибалтийских стран (5–13 июля), соответствовал стремительным темпам изменения международной и внутривнутриполитической ситуации, но при этом способствовал закреплению привилегированного положения ранее запрещенных и преследуемых коммунистов, быстро развернувших оргструктуры и составивших вынужденную предвыборную программу на фоне растерянности «буржуазных кругов» и снятия с выборов их списков по формальным и неформальным причинам. 14–15 июля состоялись выборы в народные Сеймы Литвы и Латвии и Государственную Думу Эстонии (избиратели поддержали единственные списки «блоков трудового народа»), обратившиеся затем с просьбой принять республики в состав СССР. Присоединение было оформлено в Верховном Совете СССР, соответственно, 3, 5 и 6 августа

¹⁶⁸ Подробнее о настроениях в странах Прибалтики летом 1940 г. см.: Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 457–586.

¹⁶⁹ Воробьева Л. М. История Латвии: От Российской империи к СССР. Кн. 2. / Фонд «Историческая память»; РИСИ. М., 2010. С. 77.

¹⁷⁰ См.: Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль... С. 80.

¹⁷¹ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 588.

1940 г. В. М. Молотов, выступая 1 августа на сессии Верховного Совета СССР, подчеркнул военно-стратегическую значимость принимаемых решений: *«Первостепенное значение для страны имеет тот факт, что отныне границы Советского Союза будут перенесены на побережье Балтийского моря»*.¹⁷²

В Латвийской, Литовской и Эстонской ССР проводилась национализация банков, промышленности и торговли, земля объявлялась «всеобщим достоянием» и перераспределялась в пользу безземельных и малоземельных крестьян. Одновременно расширялись социальные гарантии для населения, предпринимались шаги по введению бесплатной медицины. Интеграция в государственную систему СССР начала интенсифицироваться еще осенью 1940 г. (введение советского рубля параллельно национальным валютам, применение системы советского уголовного права и др.), но наибольшие темпы набрала весной 1941 г. (на Латвию, Литву и Эстонию распространялось советское законодательство о паспортах, воинской повинности и т. д.).¹⁷³

11 июля 1940 г. был образован Прибалтийский военный округ (ПрибВО), включавший в себя советские войска на территории Литвы, Латвии и западной части Калининской области РСФСР с дислокацией управления в Риге (формировалось на базе упраздненного Калининского военного округа). Командующим ПрибВО был назначен генерал-полковник А. Локтионов (июль 1940 – декабрь 1941 г.).

14 августа 1940 г. Политбюро приняло постановление «О преобразовании армий в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР», согласно которому национальные армии предполагалось «очищать от неблагожелательных элементов» и преобразовать их, с подчинением командующему войсками ПрибВО, в стрелковые территориальные корпуса Красной армии: 22-й в Эстонии, 24-й в Латвии и 29-й в Литве. Нормативная численность одного корпуса устанавливалась в 15 142 человека, т. е. всего 45 426 человек.¹⁷⁴

17 августа 1940 г. ПрибВО был преобразован в Прибалтийский Особый военный округ (ПрибОВО), с включением в его состав войск на территории Эстонской ССР (ранее – в ЛенВО) и передачей ответственности за управление войсками на части территории Калининской области Московскому военному округу. С декабря 1940 г. ПрибОВО возглавил генерал-лейтенант (с февраля 1941 г. – генерал-полковник) Ф. И. Кузнецов.

Согласно плану стратегического развертывания РККА, принятому в марте 1941 г., северо-западное направление считалось одним из главных направлений удара немцев (на Ригу или Каунас, Даугавпилс). С августа 1940 г. по 22 июня 1941 г. проводилось наращивание сил ПрибВО, составившее, по разным показателям, от 1,5 до 2 раз: дивизий – с 15 до 25, личного состава – с 173 тыс. до 397 тыс. человек, орудий и минометов – с 3242 до 7019, танков – с 1025 до 1549, самолетов – с 675 до 1344 единиц.¹⁷⁵

14 мая 1941 г. была принята директива наркома обороны СССР, маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, предписывавшая командующему ПрибОВО генерал-полковнику Ф. Кузнецову разработать детальный план обороны государственной границы Литовской ССР, противодесантной обороны побережья Балтийского моря к югу от залива Матсалу и островов Даго и Эзель, а также план противовоздушной обороны. 2 июня 1941 г. план прикрытия госграницы и боевых действий ПрибОВО на случай войны был утвержден, однако многие аспекты военно-технического, инженерного и мобилизационного характера к моменту нападения нацистской Германии на СССР командование округа осуществить не успело; не

¹⁷² Известия. 1940. 2 августа.

¹⁷³ См., например: Урбанович Я., Юргенс И., Пайдерс Ю. Черновики будущего. Латвия 1934–1941. Рига: «Балтийский форум», 2011. С. 365–453.

¹⁷⁴ Полпреды сообщают... С. 505.

¹⁷⁵ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 595.

были полностью учтены и компенсированы танкодоступность равнинной местности с относительно развитой сетью шоссейных дорог, протяженность морского побережья, сохранялись изъёмы во взаимодействии РККА и КБФ.

Подготовка к отражению военной агрессии гитлеровской Германии и подавлению возможных антисоветских выступлений сопровождалась в Прибалтике массовыми политическими репрессиями, в т. ч. необоснованными. При этом полностью подавить националистическое подполье, связанное с абвером, не удалось: у германской разведки в Прибалтике еще в 1930-е гг. была создана широкая агентурная сеть,¹⁷⁶ многие звенья которой сохранились.

Тем не менее Советскому Союзу удалось получить контроль над стратегически важным регионом, прикрывавшим одно из вероятных направлений наступления противника, фактически нейтрализовать вооруженные силы прибалтийских государств, заигрывавших с нацистской Германией (до 11 дивизий; для сравнения: в 1943–1944 гг. немцам удалось создать из числа эстонских и латышских коллаборационистов 3 дивизии Ваффен-СС), усилить свои позиции на Балтийском море, особенно за пределами Финского залива, создать предполье против Восточной Пруссии, обеспечить глубину обороны Ленинграда.

¹⁷⁶ См. например: Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И., Седунов А. В., Тотров Ю. Х. Иностранные разведки в Прибалтике и их взаимодействие со спецслужбами лимитрофных государств, направленное против СССР: 1918–1941 // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М.: Кучково поле, 2008. С. 241–250.

Сотрудничество с нацистами и оправдательная историография: региональные феномены

Проблема сотрудничества с нацистами бывших представителей гражданско-чиновничьего, полицейского и военного аппарата времен авторитарных диктатур Антанаса Сметоны (1926–1940), Карлиса Улманиса и Константина Пятса (1934–1940) на оккупированных германскими войсками территориях остается для современной Прибалтики одним из важнейших специфических маркеров, характеризующих как состояние исторической науки, так и позицию государств.

Рассмотрим этот вопрос на латвийском примере. Чтобы понять, почему государственный аппарат улманисовских времен стал резервуаром для различной коллаборации с германскими нацистами, а не наоборот – для сопротивления им, хотя бы и пассивного, недостаточно ссылок на репрессивную политику советской власти в Латвии в 1940–1941 гг. (хотя эта политика, действительно, в виде побочного эффекта выступила своего рода «катализатором» пособничества с нацистами в ближайшем будущем и при этом парадоксально оказалась недостаточно эффективной в нейтрализации групп, настроенных прогермански). Прежде всего необходимо внимательно рассмотреть характер и обстоятельства формирования авторитарной диктатуры Карлиса Улманиса.

Государственный переворот в ночь с 15 на 16 мая 1934 г. подвел черту под периодом парламентаризма в истории Латвии и на шесть лет установил диктатуру «вадониса» («вождя») Карлиса Улманиса.¹⁷⁷ Предпосылки для водворения в Латвийской Республике авторитарного режима складывались в течение многих лет. Слабость правительственных коалиций (до госпереворота сменилось 18 составов кабинета министров), острые и зачастую бесплодные дебаты в расколотом на множество фракций Сейме, громкие скандалы и коррупция, само наличие 109 зарегистрированных партий вызывали недовольство в политических и военных кругах страны. Однако вместо попыток упорядочения партийно-политической системы (введение процентного барьера на выборах, перерегистрация партий с повышением минимального порога численности членов и т. п.) и наряду с проектами конституционных поправок появилась своего рода конкуренция между группировками, готовившими силовое решение проблем политической системы Латвии.

Захват власти ставила своей целью профашистская ультранационалистическая группировка «Перконкрустс» во главе с отставным лейтенантом и чиновником Густавом Целминьшем. В этой связи в 1933 г. правительство Улманиса распорядилось о запрете данной организации и аресте ее активистов. «Легионеры» Волдемарса Озолса, состоявшие из ветеранов и отставников, которым не нашлось места в армии, также пытались найти подходы к действующим офицерам. Кроме того, правые опасались активизации своих противников на левом фланге. В ноябре 1933 г. были арестованы депутаты коммунистической фракции в Сейме, обвиненные в «государственной измене». Определенные «силовые» позиции сохраняли социал-демократы, имевшие в своем распоряжении Спортивный союз рабочих, в деятельности которого отмечались признаки полувоенной организации.¹⁷⁸ Сам пре-

¹⁷⁷ Т. н. «Ulmaņlaiki» («времена Улманиса»). В Латвии издано довольно много апологетической литературы, посвященной временам авторитарной диктатуры – от публицистики, в том числе репринтной с 1935 г., до специально подобранных документов. См., например: Kārlis Ulmanis. Atziņas un runu fragmenti. Rīga, 1990; Ulmaņlaiki. Leģendas un fakti / Sast.V. Avots. Rīga, 2005; Kārlis Ulmanis valstiski un privāti / Sast.V. Avots. Rīga, 2010; Virza E. Kārlis Ulmanis. Rīga, 2010 (переиздание 1935 г.) Встречаются и критические публикации, например: Stranga A. Ebreji un diktatūras Baltijā. 1926–1940. Rīga, 2002; Reiz dzīvoja Kārlis Ulmanis... Rīga, 2007; Hanovs D., Tērauds V. Laiks, telpa, vadonis: autoritārisma kultūra Latvijā. 1934–1940. Rīga, 2012.

¹⁷⁸ Rislaki J. Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonena. Rīga, 2004. 108., 109., 110. lpp.

мьер-министр Улманис уже имел реальную власть и значительные шансы на успешный переворот. К этому его подталкивали неутешительные мысли о том, что на ближайших парламентских выборах руководимый им «Крестьянский союз» может провалиться.

Большую роль в притягательности силовых методов решения вопроса о власти играл международный климат. К маю 1934 г. Латвия была окружена примерами установления авторитарных режимов: в 1926 г. совершил переворот в Литве А. Сметона и захватил власть в Польше Ю. Пилсудский, в марте 1934 г. организовал путч в Эстонии К. Пятс. Стимулировало потребность в «сильной руке» и германо-польское соглашение о «ненападении и взаимопонимании» от 26 января 1934 г., вызвавшее в латвийском обществе опасения по поводу возможных совместных действий нацистского Берлина и воинственной Варшавы против Латвии (в то время существовал участок польско-латвийской границы).¹⁷⁹

По итогам государственного переворота 15 мая были распущены все политические партии, упразднен Сейм, частично ликвидированы самоуправления, прекращено («приостановлено») действие Сатверсме (конституции), закрыты многие печатные издания, запрещены собрания и демонстрации, задержаны более 2000 человек, часть из которых была направлена в концентрационный лагерь в Лиепае.¹⁸⁰

В июньском номере журнала «Айзсаргс» наряду с обильным славословием в адрес К. Улманиса была предпринята попытка обосновать необходимость «вождизма» в Латвии со ссылкой на итальянский фашистский опыт. Статью, в которой прославлялся режим Бенито Муссолини, украшал заголовок: «*Вождь народа и значение вождизма. В особенности небольшим народам необходимы могучие и отважные вожди*».¹⁸¹ Следует отметить, что и сам Улманис после переворота 15 мая часто ссылался на Муссолини и фашистский режим, усматривая в нем образец для подражания в делах управления государством, в социальной политике и формировании образа сильного правителя – «вождя».

С мая 1934 г. на основе заимствований из «модных» западноевропейских идейных девиаций и банальной ксенофобии местного происхождения верстался план построения «латышской Латвии», в которой этнические меньшинства должны были «знать свое место». Его идейную основу составлял «винегрет» из звонких лозунгов и эпических представлений о «латышском хозяине», элементов фашистских корпоративистских идей, антисемитских и русофобских настроений, а также застарелых опасений немецко-балтийского засилья. В 1937 г. пропаганду вождизма и латышского национализма было призвано курировать вновь созданное Министерство общественных дел, контролировавшее прессу, литературу и искусство. Режиму не было чуждо и заигрывание с адептами расологических и евгенических концепций, популяризовавших «расовый и биологический национализм среди латышей».¹⁸²

Вот как характеризуются моральный климат той эпохи и исторические уроки его установления современными латышскими историками в монументальном двухтомном труде «История Латвии 20-го века», выпущенном в 2003 г. под эгидой университетского Института истории Латвии: «*После 15 мая 1934 г. латыши действительно чувствовали себя хозяевами,*

¹⁷⁹ 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. 586. lpp.

¹⁸⁰ Как отмечает латвийский историк Вальтерс Щербинскис, изучавший тему Лиепайского концлагеря, «главное значение концентрационного лагеря носило политико-психологический характер. С помощью этой угрозы (интернирования) новый режим пытался удержать нынешних политических работников от возможной оппозиции. Существование лагеря также свидетельствует о демонстрации известной суровости и последовательности в действиях нового режима. Ясно также и то, что существование лагеря было нацелено не на единение общества, а, наоборот – на исключение из общественной жизни инакомыслящих»: Ščerbinskis V. Liepājas koncentrācijas nometne un tās režīms. 1934. gada maijs-1935. gada marts // Latvijas Arhīvi. 1./2. 2009. 85. lpp.

¹⁸¹ Aizsargs. 1934. Nr. 6.

¹⁸² Подробнее об этом см.: Felder B. M. «God forgives – but Nature never will». Racial Identity, Racial Anthropology, and Eugenics in Latvia 1918–1940 // Baltic Eugenics. Bio-Politics, Race and Nation in Interwar Estonia, Latvia and Lithuania 1918–1940. Amsterdam-NY, 2013. P. 118; 115–146.

*определяющими положение в своем государстве. Возросшее самосознание помогло латышскому народу выдержать долгие годы войны и оккупации. Правда, некоторые аспекты в национальной политике К. Улманиса можно критиковать, но нельзя отрицать, что латыши в то время значительно консолидировались».*¹⁸³

Идейные новации реализовались в виде системы «камер» как органов надзора за объединениями торговцев, промышленников, ремесленников, сельхозпроизводителей и представителей «свободных профессий» (а также за восстановленным подобием рабочих профсоюзов), монополизации производства и торговли в руках «надежных» латышей, принудительной национализации, выдавливания с рынка представителей «нетитульных» национальностей, вплоть до запрета для них на занятие определенными видами деятельности.

В экономической сфере меры по «леттонизации» серьезно затронули латвийских евреев – у многих из них отнимались разрешения на работу адвокатами и врачами, им больше не могли принадлежать лесопилки и деревообрабатывающие предприятия, реквизировались текстильные фабрики и т. п. Подбадривала эти начинания правительства Улманиса и нацистская пропаганда. Кроме того, с ноября 1935 г., когда в ходе латвийско-германских торговых переговоров официальная Рига поддалась давлению и сняла вопрос об участии в торговых делах латвийских евреев, находящихся в Германии, нацисты строго следили за исключением «неарийцев» из двустороннего товарооборота и финансовых сделок. Иностранные еврейские компании также постепенно выдавливались из Латвии. В. Мунтерс в беседе с германским послом в Риге У. фон Котце в мае 1939 г. подчеркивал: *«Именно этот тихий антисемитизм дает хорошие результаты, которые народ, в общем, понимает и с которыми соглашается».*¹⁸⁴ При этом открытая антисемитская пропаганда в улманисовской Латвии все же была запрещена.

В отношении ряда предпринимателей из числа балтийских немцев (также не в последнюю очередь в популистских целях) чинился произвол, но с оглядкой на Берлин.¹⁸⁵ Подлинная трагедия для этой общины наступит в октябре-декабре 1939 г., при насильственной «репатриации» в оккупированные Гитлером польские земли.

Русские в Латвии не имели заметного представительства в крупном предпринимательстве, однако они почувствовали на себе, например, запрет использования русского языка в самоуправлениях. Сворачивалась относительно либеральная система образования для национальностей, в том числе русских и белорусов, многие из которых теперь принудительно зачислялись в латыши, особенно в приграничных с Советским Союзом волостях. Под каток официозного национализма попали и латгальцы (Восточная Латвия), язык которых не признавался не то что отдельным языком, но даже и равноправным диалектом латышского.

В 1936 г., после завершения срока полномочий «номинального» президента А. Квисиса, никак не противившегося государственному перевороту 15 мая 1934 г., Улманис сосредоточил в своих руках всю полноту власти и ключевые посты в государстве – президента и премьер-министра. Свои обещания вернуть политическую жизнь страны в конституционное русло – как только «ситуация стабилизируется» – он не сдержал: за шесть лет «национальной диктатуры» новая редакция упраздненной Сатверсме (конституции) так и не была выработана, продлевавшееся каждые полгода военное положение в 1938 г. трансформировалось в чрезвычайное положение, которое позволяло столь же жестко «профилактировать» и подавлять любые протестные проявления.

¹⁸³ 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. 582. lpp.

¹⁸⁴ Kangeris K. Latviešu un ebreju attiecības Trešā reiza skatījumā. 1933. – 1939. gads // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sēj.). Rīga, 2003. 56. lpp.

¹⁸⁵ Там же, 56. lpp.

Кульминацией сближения Латвии с Германией стал период весны – начала лета 1939 г. 20 апреля 1939 г. в торжествах, посвященных 50-летию Гитлера, приняли участие начальник штаба латвийской армии М. Хартманис (фактически – третье лицо в армейской иерархии, после военного министра и командующего) и командир 1-й Курземской дивизии О. Данкерс.¹⁸⁶ Фюрер принял их лично и наградил. В кулуарах обсуждались варианты закрепления отношений на новом договорном уровне.

При этом следует отметить, что даже в конце 1939 г., после размещения советских баз на территории Латвии по договору от 5 октября,¹⁸⁷ латвийская военная верхушка сохраняла конфиденциальные контакты с нацистами. Так, в ноябре состоялась встреча командующего К. Беркиса и начальника штаба армии Х. Розенштейнса с руководителем отдела абвера по Эстонии и Финляндии А. Целлариусом.¹⁸⁸

В ходе развернувшейся советско-финляндской «зимней войны» (ноябрь 1939 г. – март 1940 г.) официальная Рига воздержалась при голосовании по вопросу об исключении СССР из Лиги Наций, в прессе представлялась как советская, так и финская версия событий. Тем не менее отдел радиоразведки латвийской армии оказывал практическую помощь финской стороне, переправляя перехваченные радиogramмы советских воинских частей.¹⁸⁹ Командующий армией Беркис военного министра Балодиса об этом секретном сотрудничестве с противником СССР в известность не ставил; 5 апреля 1940 г. Балодис был отправлен в отставку, в основном из-за подозрений в просоветских симпатиях.

¹⁸⁶ Биографии указанных генералов см., например: *Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940. Biogrāfiska vārdnīca*. Rīga, 1998.

¹⁸⁷ Следует отметить, что «Пакт о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвийской Республикой» от 5 октября 1939 г. был зарегистрирован («депонирован») в Лиге Наций, что подрывает позиции его критиков с международно-правовой точки зрения, считающих этот документ «первым этапом советской оккупации» (проф. Х. Стродс) или «превращением [Латвии] в протекторат [СССР]». См., например: *Feldmanis I. Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945): jauns konceptuāls skatījums*. Rīga, 2013. 26. lpp.

¹⁸⁸ *Rislaki J. Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonena*. Rīga, 2004. 138. lpp.

¹⁸⁹ *Scerbinskis V. Ziemas karš un Latvija // Latvijas arhīvi*. 1999. Nr. 1. 121., 122. lpp.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.